

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВ

ИМПЕРАТОР-ОТРОК.
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДИЛОГИЯ

Россия державная

Дмитрий Дмитриев

**Император-отрок.
Историческая диалогия**

«Public Domain»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Дмитриев Д. С.

Император-отрок. Историческая диалогия / Д. С. Дмитриев —
«Public Domain», — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-03828-0

Дмитрий Савватиевич Дмитриев (1848–1915) – писатель, драматург. Родился в Москве в купеческой семье. Воспитывая сына в строго религиозном духе, отец не позволил ему поступить в гимназию. Грамоте его обучила монашенка. С 1870-х годов Дмитриев служил в библиотеке Московского университета, тогда же он начал публиковать рассказы, сценки, очерки, преимущественно бытовые. В 1880-е он сочиняет пьесы для «народных сцен», отмеченные сильным влиянием А. Н. Островского. С конца 1890-х Дмитриев пишет в основном исторические романы и повести (их опубликовано более шестидесяти). В 1908 г. после смерти единственного сына принял священнический сан. В этом томе публикуются два произведения Дмитриева, составившие историческую диалогия «Император-отрок». Роман «Осиротевшее царство» повествует о жизни и смерти Петра II, его восшествии на престол и недолгом царствовании. В романе «Разрушенная невеста» рассказывается о ситуации, сложившейся в России после кончины последнего императора прямой линии дома Романовых и о судьбе злосчастной княжны Екатерины Алексеевны Долгорукой, бывшей обрученной невесты императора-отрока.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03828-0

© Дмитриев Д. С.

© Public Domain

Содержание

Осиротевшее царство	6
Часть первая	6
Часть вторая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дмитрий Савватиевич Дмитриев

Император-отрок: Историческая диалогия

Осиротевшее царство

Первый роман диалогии из эпохи Петра II

Часть первая

I

Стоял апрель 1727 года. Весна в том году началась рано, в воздухе веяло теплом, яркое солнце не сходило с голубого небесного свода.

На улицах мрачного, сырого Петербурга было весело, радостно. К подъезду Зимнего дворца в раззолоченной карете, запряженной четверкой дорогих лошадей, подъехал светлейший князь Александр Данилович Меншиков, фельдмаршал русских войск, «полудержавный властелин», «баловень судьбы счастливой», и гордой, величавой походкой прошел по апартаментам дворца. Находившиеся тут министры, сенаторы и генералы низкими поклонами приветствовали всесильного вельможу, но он едва достаивал их легким наклоном своей головы.

Рядом с покоем, где находилась больная императрица Екатерина I Алексеевна, Меншикова встретил вице-канцлер Остерман. Этот хитрый вельможа сумел подладиться к Меншикову и выказывал ему свою признательную преданность. Теперь, низко поклонившись Александру Даниловичу, он вкрадчивым голосом проговорил:

– Как вождевленное здравие вашей светлости?

– Как видишь, барон, я здоров и бодр, – ответил ему Меншиков.

– Несказанно радуюсь тому, ваша светлость. А супруга ваша, достоуважаемая Дарья Михайловна, как изволит себя чувствовать?

– Что ей делается, барон?.. А ты лучше скажи, как государыня?

– Ее величество изволила провести ночь в тревожном сне, – тихо и оглядываясь по сторонам, ответил Остерман. – Опять появился бред.

– А с лейб-медиком относительно болезни государыни ты ничего не говорил? Не спрашивал, что за болезнь?

– Спрашивал, ваша светлость, – произнес Остерман и затем осмотрелся кругом, отвел Меншикова в сторону и чуть не шепотом продолжал: – По словам лейб-медика, императрица страдает злокачественной горячкой.

– Горячкой, да еще злокачественной? Ведь от этой болезни умирают, – меняясь в лице, произнес Меншиков.

– Тише, ваша светлость, ради бога, тише!

– Да ведь тут никого нет.

– Ах, ваша светлость, здесь везде есть уши и глаза.

– Я не робок, граф, меня не испугают чужие уши и глаза.

– Вы – верховный вельможа, бояться вам нечего, а я – человек маленький.

– Это ты-то – человек маленький?.. Полно, Андрей Иванович, не глупи... Не пой мне лазаря. Ведь я тебя давно знаю... Я, брат, тебя насквозь вижу. Да ты сам-то ныне видел ли государыню? – меня разговор, спросил Меншиков.

– Как же, ваша светлость, имел то счастье, – ответил Остерман. – Ее величество изволила сказать мне, что чувствует себя лучше.

– Сегодня, часов в восемь вечера, будь у меня, – сказал Меншиков, направляясь в покой больной императрицы.

А там на роскошном ложе доживала свои дни коронованная императрица великой русской земли, некогда простая мариенбургская полонянка фельдмаршала графа Шереметева Марта Рабе, приемыш пастора Глюка. Государыня лежала с закрытыми глазами; лицо у нее горело; сильный жар, несмотря на все усилия докторов, не оставлял больной.

Рядом с кроватью государыни печально сидела ее любимая камер-фрейлина; глаза молодой девушки были заплаканы. При входе всемогущего Меншикова она хотела встать, но тот мановением руки разрешил ей сидеть и тихо спросил:

– Видно, государыня почивает?

– Кажется, ваша светлость.

– Нет... нет... я не сплю, не сплю... Какой сон?.. У меня и ночью нет сна. Кто это пошел? – слабым голосом спросила больная императрица.

– Я... я, ваше величество!

– А... очень рада... сядь ко мне поближе, Александр Данилович. А ты поди, потребуешься – позову, – приказала государыня своей камер-фрейлине и, когда та вышла, указала Меншикову на ее стул: – Садись вот здесь, Александр Данилович. Что, навестить меня пришел?

– Я вам, государыня, здоровья принес.

– Нет, не здоровья мне ждать, а смерти. Я скоро умру.

– Ваша жизнь нужна отечеству, государыня, живите для счастья людей русских, ваших верноподданных.

– Полно, князь... полно!.. одни слова... Кому нужна моя жизнь? Наверно, все ждете, когда я уберусь.

– Что вы говорите, ваше величество! Мы все... вся Русь молим Бога о вашем здравии.

– Хорошо, князь... Спасибо, голубчик! В твою преданность я верю. Но не в том дело... Знаешь ли, князь, какой я видала сон?.. И сон тот правдивый, вещий... Хочешь – расскажу?

– Рад слушать, государыня.

– Расскажу, расскажу... только дай мне немного отдохнуть... Устала я... говорила и устала.

В покое императрицы водворилась тишина. Больная государыня лежала с закрытыми глазами; тяжелые вздохи вырывались из ее высоко подымавшейся груди.

Меншиков, не смея нарушить безмолвие, сидел молча, задумчиво опустив свою властолюбивую голову. Мысли одна за другой туманили его голову.

«Когда не станет государыни, императором будет провозглашен Петр Второй, а я первым стану у его трона. Император – отрок, он не способен управлять таким большим царством, и я стану правителем... Но нужно будет как можно более укрепить свое положение, и для этого есть один путь – породнить государя с моим родом. Кому же и быть, как не мне, самому близкому к трону вельможе, тестем государя? Во что бы то ни стало свою дочь я выдам за Петра и сегодня же испрошу у государыни согласия на это. Я уверен, что согласие последует и дочь моя будет царицею, назло моим завистникам. О, счастливая моя судьба, как ты высоко подняла меня!.. Из простых пирожников я стал всемогущим министром... и скоро, скоро стану правителем всего государства... – Меншиков от восторга готов был улыбнуться, но, взглянув на больную императрицу, подумал: – А что, если государыня поправится, выздоровеет? О нет, горячка – болезнь тяжелая, не перенести ей».

Честолюбивые мечты властолюбца были прерваны государыней.

– Князь, ты здесь? – тихо спросила она. – Да? Кажется, я хотела рассказать тебе свой сон, так?

– Так точно, государыня.

– Слушай, князь! Снилось мне, что будто я сижу за столом, окруженная придворными, и ты был тут, Александр Данилович. За столом мы весело разговаривали. Как вдруг появляется тень моего покойного мужа, императора Петра... Как сейчас вижу, на Петре одежда древних римлян. Он ничего не говорит, а только манит меня рукою. Я будто встаю из-за стола и с большой радостью иду за ним. Вышли мы из дворца и оба поднялись на воздух. Летим все выше, выше, как на крыльях, к облакам... И страшно мне, и хорошо. Бросила я свой взор на землю и дочерей своих милых, Анюту и Лизу, увидала. Обе они будто окружены большой толпой народа разных наций. Эти люди спорили, кричали. Мне стало жаль своих дочерей, я хотела спуститься к ним, а сама поднималась все выше, выше. Ну, что скажешь, князь, про мой сон?

– Мало ли что снится, государыня!

– Нет, князь, этот сон вещий! За мною скоро придет мой муж, великий император; я умру, скоро умру, – с волнением проговорила больная императрица.

– Успокойтесь, ваше величество: вам вредно себя тревожить.

– Теперь мне все равно. Ты ко мне, Александр Данилович, по делу – так говори.

– Ваше величество, вы уже изволили позаботиться о наследнике престола?

– Да, да! Я объявляю наследником внука моего покойного мужа, Петра Алексеевича. Его отцу, законному наследнику престола русского, злосчастному царевичу Алексею не судил Бог царствовать, так пусть хоть Петр царствует.

– Но, государыня, царевич молод и не сможет управлять таким большим царством, – тихо, вкрадчиво и вместе с тем почтительно сказал Меншиков.

– А ты-то, князь, на что же? Ты и другие вельможи станете помогать ему. Ты будешь главным правителем.

Тщеславному Меншикову только и нужно было этого; он едва мог скрыть свою радость и притворно-печальным голосом промолвил:

– Тяжелое, непосильное бремя изволите возложить на меня, ваше величество!

– Тебе Бог поможет, князь Александр Данилович!

– На Него, Единого, только и возлагаю все свое упование, всемиловейшая государыня! – Усердно перекрестившись, Меншиков встал, подошел к двери, приотворил ее немного и, уверившись, что в соседнем зале никого нет, опять плотно притворил дверь, после чего опустился на колени перед больной императрицей и с волнением проговорил: – Довершите, государыня, свое благодеяние и даруйте соизволение на брак царевича Петра с моею дочерью Марией...

– Вот чего ты хочешь, князь? Но ведь этим ты наживешь себе немало врагов и завистников, – задумчиво ответила государыня. – Смотри, князь! Злоба да зависть многое могут сделать. Ты все стремишься к величию... тебе всего мало... Смотри, князь, не рухни!.. По дружбе и расположению говорю тебе это!..

– Бог даст, минует меня такая тяжелая участь! Ведь если вы, ваше величество, своим царским словом освятите этот брак, то перед ним должны будут замолкнуть все голоса зависти и недоброжелательства. Ведь царское слово – закон. Да и его высочество наследник-цесаревич найдет во мне и преданнейшего слугу, и поистине родного отца. Ведь он будет моим зятем, названным сыном.

– Давай Бог, давай Бог!.. Если так, то я согласна на этот брак цесаревича. Храни его, Александр Данилович, и будь ему верным помощником в делах правления!

Меншиков, опустившись на колени, горячо поцеловал руку монархини, а она, утомленная этой беседой, откинулась на подушку и смежила глаза в полудремоте.

Счастливым и довольным вернулся князь Меншиков в свой дом-дворец, находившийся на Васильевском острове.

– Ну, княгинюшка, радуйся и веселись, – весело сказал он своей жене, доброй и правдивой Дарье Михайловне.

Муж и жена представляли прямую противоположность: Меншиков был спесив, заносчив, крутого нрава человек, всю свою жизнь стремившийся к тщеславию и почестям, а его жена отличалась безмерною добротой и сердечностью и полным отсутствием гордости и тщеславия. Она была защитницей и заступницей тех, на которых обрушивался гнев ее властного мужа, и многих вызволяла из беды.

– Скажи, князь, чему радоваться? – с улыбкою спросила она теперь мужа.

– А тому, что скоро ты будешь царской тещей.

– Что? Что ты сказал? – меняясь в лице, воскликнула княгиня.

– Говорю, что ты будешь тещей государя. Государыня дала свое согласие на брак царевича Петра с нашей Марией.

– Царевича Петра, ты говоришь? Да разве государыня объявила его своим наследником?

– Да, да... Государыня сильно больна, безнадёжна, и я с Остерманом и другими так устроил, что императрица объявила наследником престола великого князя Петра Алексеевича.

– Что же, это хорошо: царевич Петр – законный наследник; ему и подобает царем быть. Только вот что я скажу тебе, князь: в браке царевича Петра с нашей дочерью я не вижу никакого счастья.

– Как так?

– Да так: у тебя, Александр Данилович, и так врагов немало, а тогда будет еще более. Да и не пара наша Маша царевичу, не пара: и характером они не схожи, и возрастом различны: ведь царевич-то – еще отрок, а наша Маша – чуть не невеста на выданье!

– Не пара? Да ты с ума сошла! – крикнул на жену Меншиков.

– От твоих затей, князь, того и жди, что с ума сойдешь. Ох, Александр Данилыч, погубишь ты себя и нас, неповинных, погубишь! Остановись, князь, остановись!.. И то ты далеко зашел... смотри не оступись. Если себя не жалеешь, то хоть детей-то пожалей! За них я скорблю. Деток наших неповинных не губи, земно о том прошу тебя, князюшка! – И, горько плача, Дарья Михайловна опустила на колена перед своим непреклонным мужем.

– Не прекословь мне, Дарья! Ты знаешь мой нрав. Дело решено, и чего я захочу, то и будет; пятиться назад я не горазд... напролом вперед иду, – грозно проговорил Меншиков и вышел из горницы.

II

Но кто же был этот Меншиков, откуда он взялся? Как он попал в любимцы Петра Великого, умевшего выбирать людей?

Этот «полудержавный властелин» и баловень счастья, «дитя моего сердца», как называл его великий Петр, был родом из крестьян; по одним сказаниям, он – русский, православный, пришлец из Литвы, где будто жил его отец, по другим источникам – уроженец Волги.

По общему мнению, составившемуся еще при жизни Меншикова, он происходил из простолюдинов, и в этом отношении составлял в ряду государственных русских лиц замечательное исключение, олицетворявшее стремление Петра создать новых деятелей, не связанных с общественными преданиями старой Руси.

Родился Меншиков в царствование царя Алексея Михайловича, в 1674 году. Его отец был бедным простолюдином. Когда Александр подрос, отец отдал его к одному московскому

пирожнику, и Алексашка, как в то время называли Меншикова, стал с лотком разгуливать по Москве златоглавой и выкрикивать: «Пироги хороши, горячи, с пылу с жару – денежку за пару!» Алексашка был шустрый мальчишка, большой балагур, говорил с прибаутками, выкидывал остроумные шутки и этим приобрел себе много покупателей. Не так вкусны были его пироги, как веселы и остры его прибаутки и балагурство. Как-то раз ему пришлось идти мимо дома иностранца Лефорта, в то время уже близко стоявшего к будущему великому преобразователю России, знакомившего Петра Алексеевича с бытом и военным устройством Запада. Алексашка не пожалел своего горла и стал громко выкрикивать свои прибаутки. Лефорт сидел у окна; забавник мальчишка заинтересовал его; он позвал его к себе в комнату и спросил:

– Ты с пирогами?

– С пирогами, ваша милость. С пылу с жару – денежку за пару! – бойко ответил мальчишка.

– А что ты возьмешь за весь лоток с пирогами? – улыбаясь, спросил Лефорт.

– Пироги продажные, а лоток не продажный.

– Нет, ты продай мне лоток с пирогами.

– Вы, господин, пироги купите, а лоток зачем вам?

– Нужен, если покупаю.

– Не продажный; продай вам лоток, вы, пожалуй, сами пойдете пирогами торговать, а от этого будет и хозяину моему убыток, да и мне не барыш, – не моргнув глазом, проговорил Алексашка.

Лефорт расхохотался:

– Ты, мальчишка, мне понравился. Как тебя звать?

– Поп крестил, Алексашкой назвал.

– Хочешь у меня служить, Алексашка?

– Отчего не служить? Можно! А пирогами кормить меня будешь?

– Буду, буду, тебе хорошо будет у меня жить.

– Вот я от хозяина отойду и к тебе, господин ласковый, приду.

– Приходи, приходи.

Лефорт щедро заплатил Меншикову за пироги.

С большой неохотой отпустил пирожник Алексашку, так как с его уходом у него прерывался хороший доход.

Алексашка стал слугой Лефорта; на нем появился камзол французского покроя, или ливрея; он своей сметливостью и верной службой приобрел любовь и доверие Лефорта, который был очень доволен балагурством своего слуги-мальчика.

Раз царь Петр увидал у Лефорта Алексашку; смелые и бойкие ответы последнего понравились государю, и он взял его к себе. Алексашка некоторое время был у царя простым лакеем. Однако Петр I умел отличать людей; он полюбил Меншикова и записал его рядовым в число своих потешных, не посмотрев на то, что Меншиков был простолюдином, а в потешном полку молодые солдаты почти все были из дворянского сословия.

«Это был первый шаг к возвышению Меншикова, – пишет Костомаров, – но важно было для него то, что, считаясь «потешным», Меншиков несколько лет продолжал исполнять близ царской особы должность камердинера. Петр, ложась спать, клал его у своих ног на полу. Тогда чрезвычайная понятливость, любознательность и большая исполнительность Меншикова расположили к нему царя».

Меншиков умел угождать царю и старался предупреждать его приказания; вспыльчивый нрав Петра нередко отражался на Меншикове, но он безропотно и покорно переносил и брань и побои.

Петр все более и более привязывался к своему любимцу, и тот начал пользоваться известным значением; к нему стали прибегать с ходатайством, просили его заступничества перед государем. Разумеется, просители приходили к царскому любимцу не с пустыми руками.

Во время войны с турками Меншиков за азовский поход получил офицерский чин, хотя в этой войне он ничем не отличился; он был хитрый, тонкий человек, – все, что нравилось царю, нравилось и Меншикову, и потому он вполне разделял мысль Петра преобразовать, пересоздать Русь, все поставить по иностранному образцу; он был врагом старины и благоговел перед державным преобразователем. Все те, которые придерживались старины, ненавидели Меншикова; но что значила для него их ненависть? «Любил бы да жаловал царь».

Следующий случай еще более помог возвыситься Меншикову. У молодого царя было много тайных врагов; они составили заговор и готовили «гибель государю». Меншиков открыл заговор, и преступники были схвачены. Теперь Петр стал смотреть на своего любимца как на избавителя.

Во время первого путешествия царя Петра за границу Меншиков был с ним неразлучен и в угоду царю сам работал топором на саардамской верфи. Он выказал большие способности к кораблестроению и другим ремеслам, хорошо выучился немецкому и голландскому языкам и во всем старался угодить государю. «Везде и во всем он нравился своему властелину, разделял с ним и трудные работы по кораблестроению, и веселые попойки». По приезде из-за границы началась расправа со стрельцами, а там Петр занялся пересозданием России: началось бритье бород, русский кафтан был заменен немецким камзолом.

Первая супруга царя, Евдокия, приверженица старины, ненавидевшая Меншикова, была отправлена в монастырь, и после этого одним сильным врагом у него стало меньше. Меншиков, когда-то уличный мальчишка, продавец-пирожник, теперь уже был генерал-майором и командовал драгунским полком.

В 1700 году он женился на умной боярышне Дарье Михайловне Арсеньевой.

Началась война со шведами, и после счастливого взятия крепости Шлиссельбург Александр Данилович Меншиков был поставлен губернатором взятого у шведов края. За покорение крепости Ниеншанц Меншиков был пожалован орденом св. Андрея Первозванного.

«Во все царствование Петра Меншиков был главнейшим исполнителем задушевных замыслов Петра по строению и заселению Петербурга. Новая столица обязана своим созданием столько же творческой мысли государя, сколько деятельности, сметливости и умению Меншикова», – говорит историк.

После нескольких удачных побед над шведами, в которых Меншиков, как командир, принимал большое участие, он был возведен в генерал-фельдмаршалы.

Однако он не чужд был и злоупотреблений, пользуясь доверием государя, наживал большие деньги, и не раз за это Петр бил палкою и налагал на него огромные штрафы деньгами, например штраф в сто тысяч червонцев. Меншиков волей-неволей уплатил этот штраф, так как государь строго преследовал казнокрадов. Однако это не отучило Меншикова от любостяжания, и он продолжал, где только можно было, изыскивать способы для увеличения своего богатства, а вместе с тем все более и более укреплял свою власть и могущество. Путь к этому особенно широко открылся для него с момента кончины Петра Великого.

Странна судьба благодетеля Меншикова, императора Петра Великого. Всю свою жизнь посвятил он переустройству России; увлекшись западными новшествами, он бесстрашно ломал устои России, предпринял реформы всего ее быта, но не докончил, не укрепил всего начатого – у царя-работника не хватило времени на это, так как смерть пресекла его жизнь 28 января 1725 года. Умирая, он не успел распорядиться назначением наследника, а между тем это было крайне нужно.

Как известно, Петр Великий был женат дважды: в первый раз он семнадцатилетним юношей, по настоянию матери, женился в 1689 году на Евдокии Федоровне Лопухиной, и от этого

брака у него родился сын Алексей. Но царь, не видя в этой женщине поддержки своим реформаторским начинаниям и не любя ее, уже через год стал искать привязанности на стороне, а в 1698 году царица Евдокия была пострижена и заточена в Суздальском монастыре. Петр I всецело отдался государственным делам, а его младенец-сын находился сперва на попечении своей бабки Натальи Кирилловны, а по смерти ее – у тетки Натальи Алексеевны. Мальчик был окружен лицами, преданными старому укладу жизни своей родины, и получал плохое образование. Правда, к нему были приставлены друг за другом два иностранца, но толку от этого было мало. Наконец, он был отправлен для усовершенствования образования за границу, и тут ему нашли невесту – принцессу Шарлотту Вольфенбюттельскую; с нею он, по настоянию отца, сочетался браком 14 октября 1711 года, причем она осталась лютеранкой.

Однако это обстоятельство нисколько не изменило взглядов царевича; он, суеверно-религиозный, был противником преобразовательных начинаний своего отца, и это поселило раздор между ними. В народе стало известно об этих несогласиях, и противники Петра I старались создать из царевича Алексея оплот для себя, вследствие чего раздор в царской семье стал почвой для борьбы политических партий. Вместе с тем царевич плохо обращался с супругой, стал обнаруживать непослушание, отвращение к занятиям и вести разгульную жизнь. Наконец, по смерти жены, он, боясь репрессий отца, бежал за границу. Петр послал за ним Петра Толстого и Алексея Румянцева в Неаполь, и им 14 октября 1717 года удалось уговорить царевича вернуться на родину. Петр Великий свиделся с сыном 3 февраля 1718 года и назначил над ним суд, лишив его прав на престол. Вместе со своими сторонниками царевич Алексей подвергся пыткам и 26 июня 1718 года скончался.

После него остались сын Петр, родившийся 12 октября 1715 года, и дочь Наталия, родившаяся 12 июля 1714 года. Таким образом, Петр Великий имел законного продолжателя своего рода и прямого наследника трона. Однако он боялся оставить престол малолетнему и в 1722 году издал указ «Правда воли монаршей», которым царю предоставлялось право избрать себе наследника хотя бы из совершенно посторонних людей. Этот указ появился вскоре после смерти сына Петра Великого, царевича Павла – «Павлушки-солдатченка», как называл ребенка любивший его до болезненности отец. Со смертью царевича Павла у Петра не оставалось прямого потомства мужского пола, и он, очевидно, не желал видеть внука на престоле. В особенности ясно выразилось это нежелание в дни агонии умиравшего в муках царя-императора. В последний момент облегчения он призвал к себе свою дочь Анну, положил ей руку на голову и трясущимися руками кое-как написал на грифельной доске: «Все отдать...», дальше шли каракули, разобрать которые было невозможно. Но ясно, что он хотел иметь наследницу умniejsкую царевну Анну, достаточно зрелую и подготовленную, чтобы занять царский престол.

Опять судьба готовила иное. Царь Петр Великий еще не испустил своего последнего вздоха, а в соседнем с его опочивальней зале Меншиков провозгласил императрицею всероссийской супругу умиравшего, Екатерину Алексеевну. Собравшиеся в зале вельможи не осмелились пойти против временщика, вошедшего к ним в сопровождении вооруженного караула измайловских солдат и, кроме того, выставившего на площади перед дворцом все гвардейские полки, в преданности которых он был уверен. Первыми на клич Меншикова: «Да здравствует императрица Екатерина Алексеевна!» – ответили солдаты, столь грозно взявшие при этом «на караул», что вельможи и знать, испуганные сверканьем штыков, быстро подхватили этот клич. Рассказывают, что клич донесся до слуха умиравшего Петра Великого, он отчаянно заметался на своем смертном ложе, замахал руками, из его груди вырвались вопли, которые были слышны даже на площади.

Итак, императрица Екатерина I Алексеевна вступила на престол еще при жизни своего царственного супруга. Правда, Петр Великий вскоре после этого умер, но факт все-таки остается фактом. Но почему же Меншиков так старался о возведении на престол вдовы Петра Великого? Прежде всего, Меншиков был человеком, от ничтожества попавшим «в случай»

только благодаря Петру. Выше уже было сказано, как он попал в слуги к царю-преобразователю, которому он понравился своей бесшабашностью; вскоре он стал наперником царя в любовных похождениях в Немецкой слободе. В этом положении наперника, ничем не стесняемого и готового на все, Меншиков оставался всю жизнь. Во время массового истребления стрельцов он конкурировал с юным царем в искусстве рубить стрелецкие головы. Когда на Петра находили припадки и он бился в конвульсиях, Меншиков ложился с ним в постель; мучавшийся царь держался во время припадка за его плечи. Меншиков утопил под Шлиссельбургом австрийского графа Кенигсегга, любовника царской фаворитки Анны Монс, он же избил палкой австрийского посла графа Бильдербинга, заместителя Кенигсегга. Но крепче всего Меншиков держался при Петре в силу того обстоятельства, что от него перешла к царю мариенбургская пленница Марта Рабе, ставшая потом супругой Петра Великого с именем Екатерины. Эта женщина была самой могущественной заступой Меншикова пред Петром, и очень часто благодаря ей Меншиков отделывался побоями там, где по закону следовала смертная казнь. Беззастенчиво-наглый, жадный, корыстный, как все выскочки, неразборчивый и нечистоплотный в средствах, Меншиков воспользовался моментом, чтобы укрепить за собою безграничную власть и возвел на престол Екатерину, зная, что истинным повелителем будет он, Меншиков, «князь Ижорский».

Он не обманулся в своих расчетах. Екатерина Алексеевна, женщина совершенно неграмотная, к царствованию не была способна. При ней в Петербурге день был обращен в ночь, даже утреннее богослужение совершалось в вечерние часы. Меншикову была полная свобода самовластничать, как ему было угодно.

Однако он понимал, что императрица Екатерина недолговечна, и, чтобы удержаться во власти, обратил свое внимание на юного внука Петра Великого, царевича Петра Алексеевича. Этот сын несчастного отца воспитывался под наблюдением немецкого авантюриста, графа Андрея Остермана, бежавшего со своей родины из страха смертной казни за убийство. В России он сделал себе карьеру. После смерти Петра I он особенно выделился и уцелел даже при невозможнейшей боярской грызне, начавшейся немедленно после того, как очутился у власти Меншиков. Против Меншикова выступали Долгоруковы, Апраксины, Голицыны, Шереметевы, Репнины, то есть те представители древних знатных фамилий, которые держали сторону несчастного царевича Алексея Петровича и которых Петр Великий не осмелился тронуть во время жестокой расправы с сторонниками своего сына. За Петра Алексеевича были также уцелевшие сестры его деда, царевна Марья Алексеевна и даже Наталья Алексеевна. Но Меншиков опирался на солдат и был силен. Остерман, несмотря на юность Петра Алексеевича, проектировал его брак с одной из царевен-теток – Елизаветою. Такой брак допускался в лютеранской церкви, но был невозможен в православной российской, и проект Остермана был оставлен.

Один из вельмож, князь Дмитрий Голицын, столкнулся с Меншиковым и принял его брачный проект: выдать дочь Меншикова Марию за царевича Петра Алексеевича, а сына Меншикова женить на дочери Петра Великого. Меншиков с восторгом ухватился за такую комбинацию, обеспечивавшую ему надолго неограниченную власть. Одновременно великий князь Петр Алексеевич был объявлен наследником престола. Незадолго до смерти Екатерины I при содействии Меншикова, Остермана и некоторых членов верховного совета было изготовлено духовное завещание императрицы, в силу которого отрок Петр II становился по ее смерти императором при регентстве из обеих цесаревен, Елизаветы и Анны, мужа последней – герцога Голштинского – и верховного тайного совета. Меншиков постарался и тут устранить неудобных ему лиц: он заставил Анну Петровну с герцогом Голштинским выехать за границу и, таким образом, при несовершеннолетию цесаревны Елизаветы и полном подчинении ему членов верховного совета остался полноправным распорядителем России.

В упоении своим могуществом он перестал считаться со своими противниками, и против него выступили всеильные Долгоруковы и Апраксины и начали интриговать Остермана.

Именно последний, как более близкий к будущему юному императору, и сумел повлиять на него так, что тот стал склоняться на сторону Долгоруковых, тяготясь опекою зарвавшегося Меншикова.

III

В поздний майский вечер в огромном саду, примыкавшем к палатам князя Меншикова, слышен был сдержанный разговор двух влюбленных. Это были князь Федор Долгоруков и старшая дочь Меншикова, красавица княжна Мария.

Как в палатах всесильного временщика, так и на его дворе царила ничем не нарушимая тишина. Меншиков имел обыкновение рано ложиться и так же рано, чуть не с петухами, вставал; притом, когда он ложился в постель, в его огромном доме все как бы вымирало, застывало. Многочисленные слуги князя ходили на цыпочках, говорили шепотом, опасаясь, как бы не потревожить княжеского сна.

Княжна Мария, воспользовавшись удобным временем, вышла в сад. Время было условлено; там дожидался княжну красавец офицер Федор Долгоруков.

– Наконец-то вы пришли, княжна! А я давно жду вас, – радостно воскликнул он, – больше часа...

– Бедный, я заставила вас ждать.

– О, княжна, это ничего не значит в сравнении с тем, что я слышал относительно вас. Ведь говорят... не нынче завтра вас объявят невестой цесаревича!

– Вам этого не хотелось бы, да?

– Что за вопросы, княжна? Вам хорошо известно мое сердечное отношение к вам! Чтобы назвать вас милой женой, я... я ни перед чем не остановлюсь... я готов на смерть идти, готов муку вытерпеть.

– Этого совсем не надо, милый князь, – с улыбкою проговорила княжна Мария.

– Вам смешно, княжна, а мне горько, очень горько. Ведь вас отнимают у меня! – печально проговорил Долгоруков.

– Отнимают, но не отняли.

– И отнимут.

– За кого же вы, князь, принимаете меня? Я – не ребенок... у меня есть своя воля. Положим, быть царицей очень заманчиво, но я не в отца, не тщеславна. И советую вам успокоиться. Царицей я никогда не буду, никогда. Все затеи моего отца кончатся ничем, поверьте мне.

– О, если бы так было!..

– Так и будет! Ждите, князь, судьба улыбнется нам.

– Дорогая, милая княжна, вы дарите меня таким счастьем! – И молодой князь стал с жаром целовать руки у красавицы Марии.

– И это счастье, может быть, близко... Да, да!.. Я знаю, что все затеи отца должны скоро разрушиться: царевич на мне не женится, я уверена в этом, и тогда, князь Федор, вы станете просить у моего отца согласия на брак со мною.

– Увы, этого согласия я не получу. Князь Александр Данилович не благоволит ко мне и едва ли решится назвать меня своим зятем, – с глубоким вздохом проговорил Федор Долгоруков.

– Мой отец нерасположен к вам, это правда, но я сумею поставить на своем: отец любит меня и редко в чем отказывает мне.

Долгоруков и княжна Мария сильно увлеклись своим разговором и не заметили, что за ними давно следила пара чьих-то глаз.

– О, если бы ваши слова сбылись, милая княжна! – пылко воскликнул Долгоруков.

– Они и сбудутся, только надо терпение. Ведь я не нравлюсь цесаревичу, он избегает меня, но я об этом нисколько не сожалею.

– Милая, дорогая княжна! – И Долгоруков стал с жаром целовать руки Марии.

В это время в кустах кто-то зашевелился, и влюбленные быстро оглянулись.

Перед ними стоял сам князь Меншиков, с лицом, искаженным злобою; его высокая, сутуловатая фигура была несколько согнута, одной рукой он опирался на трость, а в другой держал пистолет.

– Князь! – невольно вырвалось у Федора Долгорукова.

– Да, князь... Что, господин поручик, не ждал не гадал? Не в меру же смел ты и дерзок! – задыхаясь от гнева, проговорил Меншиков.

– Я... я в вашей власти, князь, вы вольны делать со мною, что хотите.

– Да, да, я волен убить тебя, но я этого не сделаю, не потому, что жалею тебя, твою молодость, а потому, что не хочу огласки.

– Батюшка, – прерывая отца, проговорила княжна Мария.

– Молчать! – загремел на дочь Меншиков. – Ступай к себе: разговор с тобою у нас будет после.

– Хорошо, но, прежде чем уйти отсюда, я должна сказать вам, что люблю князя Федора, – оправившись от испуга и неожиданности, смело проговорила девушка.

– Что же, любить его ты вольна, но только женою никогда не будешь... А теперь ступай к себе в горницу и ложись спать... завтра я с тобой поговорю.

– Надеюсь, батюшка, вы ничего дурного не сделаете князю?

– Если ты не уйдешь, то я позову людей и прикажу вытащить тебя из сада.

Эта угроза подействовала на княжну Марию.

– До свидания, князь! Я не говорю вам «прощайте», так как, надеюсь, мы скоро увидимся. Знайте, любовь к вам сойдет только со мной в могилу. – И, сказав это, княжна не спеша пошла из сада.

– Ну, ваша светлость, скажите, что вы намерены делать со мной? – спокойно спросил Федор Долгоруков у Меншикова.

– Ты это, князек, сейчас узнаешь; только скажи прежде, как ты попал ко мне в сад? Через забор, что ли?

– За кого вы меня принимаете? Я не вор, чтобы через забор лазить.

– Нет, ты – вор, вор...

– Князь! – бешено крикнул молодой Долгоруков, меняясь в лице и быстро выхватив из ножен саблю.

– В ножны саблю, мальчишка! Ты забыл, что я – фельдмаршал российских войск! Забыл, что мне ничего не стоит стереть тебя с лица земли... Сейчас в ножны саблю! – крикнул Меншиков.

– Убейте меня, князь, если вам нужна моя жизнь, но не оскорбляйте постыдным прозвищем, – тихо промолвил Долгоруков, вкладывая свою саблю в ножны.

– А я повторяю, ты – вор девичьей чести.

– Ошибаетесь, князь! Я люблю княжну Марию, люблю сильнее жизни, но на ее честь не посягал.

– Довольно! Слушай мое решение: если ты хочешь целым быть, то чтобы завтра же тебя не было в Питере. Не то не миновать тебе Сибири!

– Куда я должен ехать?

– Куда хочешь, только подальше от Питера... Я пошлю тебя на Кавказ.

«Уехать на Кавказ? Расстаться с милой княжной? Нет, я не могу, не могу», – подумал Долгоруков и не совсем твердым голосом проговорил:

– На Кавказ я не поеду, ваша светлость!

– На Кавказ не поедешь, так в Сибирь прогуляешься... Выбирай, что ближе и что для тебя лучше! Только жалея твоего отца, князя Василия Лукича, я на Кавказ тебя отправляю... Помни это!..

– Дайте мне хоть три дня срока! Я должен собраться.

– Ни одного дня!.. Завтра ты выедешь на Кавказ... Я к командиру на Кавказе генералу Митюшину приготовлю письмо, ты свезешь его и там останешься... Слышишь? А теперь ступай!

Молодой князь направился было из сада.

– Постой, я сам провожу тебя, – проговорил Меншиков и пошел из сада рядом с Долгоруковым.

Они вышли на двор и подошли к калитке; последняя была несколько приотворена. Меншиков, проводив незваного гостя, подошел к сторожке и постучал в оконце.

Сторож Никита, дрожа всем телом, шатаясь, вышел из сторожки и упал на колени перед своим господином.

– Сколько, лукавый раб, взял ты с Долгорукова денег за то, что впускал его на двор в неурочное время? – грозно спросил Меншиков у сторожа.

– Князь пожаловал мне целковый, – всхлипывая, ответил тот.

– Подлый холоп, за целковый ты продал своего господина! Эй, дворецкого ко мне!

– Я здесь, ваша светлость, – раболепно изгибаясь, ответил толстый, круглый, с лунообразным лицом дворецкий Никанор Саввич.

– Сторожа со всей семьей на поселенье! Чтобы завтра же его не было на моем дворе!

– Будет исполнено, ваша светлость!

– Продажному холопу нет пощады! – И, сердито проговорив эти слова, Меншиков направился к своему дворцу.

Дворецкий на почтительном расстоянии следовал за ним.

– Горничную девку Аришку одеть в посконный сарафан, выстричь косу и отправить в мою сибирскую вотчину, в скотницы... Понял? – в самых дверях дворца обратился Меншиков к своему дворецкому.

– Будет исполнено, ваша светлость!

Это распоряжение князя относительно Арины было вызвано тем обстоятельством, что на нее дворецкий указал как на пособницу свиданий княжны с Долгоруковым. Никанор Саввич еще накануне выследил, что Арина передала какую-то записку сторожу; это показалось ему подозрительным; он проследил на следующий день за нею и сторожем и, убедившись, что княжна действительно находится на свидании с Долгоруковым, поспешил разбудить князя Меншикова. Тот спустился в сад, удостоверился в справедливости доноса дворецкого и круто распорядился как с обоими влюбленными, так и с горничной Аришей и со сторожем. Он с таким же удовольствием предпринял бы крайне крутые меры против возлюбленного своей дочери, но здесь пришлось ему несколько сократить – ведь это был не смерд какой-либо, а представитель богатого и властного в то время рода князей Долгоруковых.

Князь Федор Долгоруков был сыном известного в то время вельможи Василия Лукича. Получив хорошее образование, он по воле императора Петра Великого был для усовершенствования в науках в числе других молодых дворян отправлен «в неметчину». Пробыв долгое время за границей, он вернулся в Россию развитым, образованным молодым человеком. В то время уже царствовала супруга великого Петра, Екатерина Алексеевна. Князь Василий Лукич советовал сыну Федору служить при дворе, но не лежало у того сердце к придворной службе; он выбрал военное поприще и скоро дослужился до офицерского чина.

Как-то на придворном балу князь Федор увидел дочерей Меншикова и полюбил старшую, Марию. Он стал часто бывать со своим отцом и один у Меншикова. Княгиня Дарья Михайловна ласково встречала блестящего молодого гвардейца, ее дочери тоже. Особенно же

Федор Долгоруков произвел впечатление на старшую, княжну Марию, и вскоре они оба полюбили друг друга, но про свою любовь никому не говорили.

Только одна княгиня Меншикова догадывалась и радовалась счастью своей дочери, так как князь Федор Долгоруков был женихом завидным: ведь богатый, древний и знатный род Долгоруковых был известен всем.

Князь Федор думал было уже посвататься за княжну Марию, как вдруг отношения между Меншиковым и его отцом изменились и стали натянутыми, так как князь Василий Лукич чем-то не угодил всеильному Меншикову. Волей-неволей молодому князю Долгорукову пришлось отложить до времени сватовство.

А тут пошел слух, что Меншиков задумал выдать свою дочь Марию замуж за цесаревича Петра Алексеевича и что на это последовало согласие самой государыни.

Тяжело отозвалось это известие на влюбленном князе Федоре. Он хотел проверить этот слух, но для этого ему необходимо было увидеть княжну Марию.

Однако прямо идти в дом к Меншиковым теперь Долгоруков не мог – его, пожалуй, и не приняли бы. Но видеть свою возлюбленную, говорить с нею надо было во что бы то ни стало. И вот он, подкупив дворового сторожа Меншикова Никиту и горничную Аришу, добился свидания со своей возлюбленной в саду поздним вечером.

Увы! Возлюбленные были накрыты самим князем Меншиковым, и молодому князю Федору волей-неволей пришлось проститься с Петербургом и ехать на Кавказ, так как он хорошо знал, что ожидает ослушников воли Меншикова.

Мрачным, с тяжелым чувством вернулся молодой человек со свидания в дом своего отца; несмотря на поздний час, он встретил там несколько гостей, своих родичей. В кабинете Василия Лукича собрались почти все Долгоруковы, а в числе их и князь Василий Владимирович Долгоруков, умнейший человек, честный, правдивый; несмотря на эти редкие качества, он долгое время находился в опале, которую, по наговору злых людей, без всякой его вины, наложил на него император Петр I. Когда великий царь-преобразователь скончался, Василий Лукич попал в милость к императрице Екатерине Алексеевне, стал пользоваться расположением всеильного временщика Меншикова и тотчас же стал ходатайствовать за своего родича – опального князя Василия Владимировича. Это ему удалось; с Василия Владимировича была снята опала, часть отписанных в казну имений была возвращена ему, и ему было дозволено жить в Петербурге.

Все Долгоруковы любили и уважали своего умного и правдивого родича и во многих случаях спрашивали его совета.

И теперь Федор Долгоруков очень обрадовался, увидев в числе гостей князя Василия Владимировича, и решил посоветоваться с ним. Выбрав удобный момент, он обратился к старику:

– Голубчик дядя, пойдемте ко мне в комнату: мне надо многое вам рассказать.

– Пойдем, Федор, мы тут лишние.

– Что вы говорите, братец, Василий Владимирович? Вы не лишний, мы всегда рады слушать вас, – с легким упреком промолвил князь Василий Лукич, отрываясь от беседы со своими родственниками, посвященной жгучему для них вопросу о влиянии при императорском дворе, – ведь императрица Екатерина Первая была при смерти, на престол должен был вступить отрок Петр Второй, воспитателем которого состоял один из Долгоруковых, князь Алексей Григорьевич, а ближайшим его другом был сын последнего, князь Иван Алексеевич.

Однако старик в ответ на это произнес:

– И, полно!.. Что от меня, человека пришлого, чужого здесь у вас, в Питере, толка для вас? – а затем обратился к племяннику: – Ну, Федя, веди меня к себе...

Князь Федор, усадив Василия Владимировича в своей комнате в мягкое, удобное кресло, рассказал все подробно про свою любовь к дочери полновластного Меншикова, а также не умолчал и о том, как Меншиков застал его в саду с Марией и что потом произошло.

Со вниманием выслушал Василий Владимирович рассказ своего влюбленного племянника и затем сказал:

– Плохо дело, Федя, плохо!.. Тебе надо скорее убираться из Питера, а то тебя самого как раз уберут в крепость, а не то и в Сибирь... Меншиков зол, мстителен и не любит, чтобы кто-либо стоял ему поперек дороги. Сшибет, раздавит! Теперь его время, его власть, хоть и не надолго.

– Дядя, вы говорите «не надолго»? Разве Меншикову что угрожает?..

– Его гибель неизбежна... И знаешь, что погубит Меншикова? Его собственное честолюбие, его ненасытная гордыня. На все свой предел положен, а Меншиков далеко перешагнул через этот предел. Он высоко поднялся, и поэтому его падение будет великое. Однако не за Меншикова мне больно, Федя, а за твоего отца и за других наших родичей: ведь они не сознавая идут по ложному пути... Слава, почести, блеск – вот что прельщает их, и ради этого они оставили истинный путь! Они стремятся достигнуть вершины власти, но, боюсь, как бы не сорваться им с этой вершины.

– Так вы, дядя, советуете мне уезжать? – спросил Федор Долгоруков.

– Да, и чем скорее, тем лучше!

– Но ведь я люблю, горячо люблю княжну Марию, и она меня тоже любит.

– Оставь скорее эту любовь, Федор, иначе она погубит тебя. Ведь ты знаешь, дочь Меншикова не нынче завтра будет объявлена невестой царевича Петра. Чего же ты еще ждешь? Уезжай, пока есть время, не думай сопротивляться Меншикову; помни: он пока еще властелин – могущественный, всесильный, и бороться с ним – безумие.

– Милый, добрый дядя, как мне ни больно и ни тяжело, я последую вашему совету. Я уеду, сегодня же уеду.

– Да, да, торопись.

Молодой князь Федор Долгоруков в тот же день уехал на Кавказ. Он принужден был сделать это, иначе ему не миновать бы большой беды.

А спустя несколько дней после этого старшая дочь Меншикова, этого «баловня судьбы», была объявлена нареченною невестой наследника русского престола Петра Алексеевича, двенадцатилетнего отрока.

Весть о том, что дочь Меншикова не нынче завтра будет царицей русской земли, повергла в ужас врагов и недоброжелателей Меншикова, которых у него было большое изобилие. Против него составил заговор, в который вошли Толстой, Бутурлин, граф Девиер, Скорняков-Писарев, Александр Львович Нарышкин, князь Иван Алексеевич Долгоруков (любимец царевича Петра), генерал Андрей Ушаков и другие, к ним примкнул и герцог Голштинский.

Целью заговора было во что бы то ни стало помешать браку великого князя с дочерью Меншикова. Заговорщики думали, под предлогом воспитания, спровадить великого князя за границу, а тем временем склонить императрицу Екатерину назначить наследницей престола цесаревну Елизавету. Однако заговор был открыт, и заговорщиков постигло строгое наказание. Девиера, после пытки выдавшего соучастников, и Толстого лишили дворянства и имений и затем сослали: первого – в Сибирь, второго – в Соловки; Скорнякова-Писарева, лишив чинов, дворянства и имущества и наказав кнутом, отправили также в ссылку; Нарышкина и Бутурлина, лишив чинов, послали на безвыездное житье в деревню; Долгорукова и Ушакова, как менее виновных, понизили чинами и определили в полевые полки.

Голштинскому герцогу волей-неволей пришлось сойтись с Меншиковым, который в то время был почти полноправным правителем государства, потому что императрица Екатерина

находилась при последнем дыхании, а верховный совет, состоявший из вельмож государства, делал все, чего хотел Меншиков.

IV

Известие о каре, наложенной на князя Ивана Долгорукова, глубоко поразило цесаревича Петра Алексеевича. Царевичу в то время исполнилось только двенадцать лет, но он казался старше своего возраста. Полный, стройный, высокого роста, с лицом женственно-белым, с прекрасными голубыми глазами, он был очень красив и привлекателен. Обычно это был живой, веселый мальчик, но в последнее время казался особенно печальным.

– Ты говоришь, Ваня, нам надо расстаться? – с глубоким вздохом произнес он, обращаясь к князю Долгорукову, посетившему его на его половине во дворце.

– Необходимо, царевич! Меня, по воле фельдмаршала, переводят из Петербурга.

– И все это князь Меншиков? Он? Да? Эх, злой он, недобрый... Я пойду к нему и стану просить, чтобы тебя оставили со мною.

– И не проси, царевич!.. Ничего не выпросишь, больше только озлобишь его.

– Ваня, придет же то время, когда я буду приказывать Меншикову, а не просить его? Будет же когда-нибудь конец его властолюбию и силе?

– Будет, царевич, будет, только надо выждать время.

– Когда я буду царем, тогда не дам властвовать Меншикову.

– Тише, царевич, тише! У Меншикова везде есть уши и глаза.

– Я – наследник престола и Меншикова не боюсь, – с царственным достоинством проговорил Петр.

– Тебе и не след бояться его, но со мною он все может сделать...

– Ты и представить себе не можешь, как я не люблю Меншикова и его дочери Марии.

– А княжна Мария объявлена твоей невестой, царевич.

– Какая она моя невеста? Она старше меня. Это Меншиков и государыня-бабушка задумали женить меня на ней. Но жениться на княжне Марии я не могу; ведь я не люблю ее. Вот выздоровеет бабушка, я так и ей скажу. Знаю, что государыня неволить меня не будет, она добрая, милая... А ведь у меня есть другая бабушка? – после некоторого раздумья спросил Петр у Долгорукова.

– Есть, царевич.

– Где же она?

– Далеко, в монастыре... – уклончиво ответил царевичу молодой князь.

– Кажется, звать ее Еленой?

– Да, царевич, а прежде звали Евдокией Федоровной.

– Как же она в монастыре очутилась? Зачем? Царица – и в монастыре? Все это как-то странно. А дед мой, покойный император, женился на другой – на теперешней моей бабушке. Все это для меня непонятно. Я спрашивал у Андрея Ивановича, и вот что он ответил мне: «Когда вырастете побольше, царевич, все сами узнаете». А я хочу сейчас знать. Что это за таинственность?.. Ваня, ты не знаешь ли чего-либо относительно моей бабушки Елены?

– Нет, я ничего, ничего не знаю, ничего... – уклонился Долгоруков от прямого ответа на такой опасный по тому времени вопрос. – Но прости, царевич!.. Храни тебя Бог, а мне пора. И не поехал бы, да велят.

– Ваня, не езд, голубчик! Я упрошу Меншикова, он тебя оставит, – начал было цесаревич, но в этот момент в комнату быстро вошел его воспитатель Остерман и дрожащим голосом, со слезами на глазах проговорил:

– Цесаревич, следуйте за мною. Ее императорское величество Екатерина Алексеевна кончается.

При этом известии царственный отрок изменился в лице и на глазах у него появились слезы. Он молча, в сопровождении Остермана и князя Ивана Долгорукова, направился во внутренние апартаменты императрицы, однако уже не застал ее в живых: она 6 мая 1727 года тихо скончалась.

В дверях комнаты, где скончалась государыня, цесаревича встретил Меншиков; он был бледен, и его голос дрожал, когда он произнес:

– Императрица Екатерина Алексеевна в бозе почилла. Согласно воле почившей императрицы, а также членов верховного тайного совета, вы, ваше императорское величество, займете престол царей русских. Приветствую императора Петра Второго! – преклоняя колени перед сыном злосчастливого царевича Алексея Петровича, громко произнес князь Меншиков.

Громкое и единодушное «ура» раздалось в царских чертогах.

Меншиков взял императора-отрока за руку и вывел его в большой зал, где собрались высшее духовенство, сенаторы, генералитет и придворные чины, и представил им юного государя.

– Подойди, государь, к окну и покажи себя солдатам и народу, – тихо обратился он затем к Петру, показывая ему на огромное окно.

На площади около дворца стояли войска и множество народа. Император-отрок подошел к окну и с милой улыбкой стал кланяться солдатам и народу.

Раздалось оглушительное и долго не смолкавшее «ура». Юный государь был взволнован – эти торжественные минуты, свидетельствовавшие о возведении его на вершину высшей, доступной человеку на земле власти, смутили отрока.

– Брат!.. Петруша... милый!.. – раздался позади государя приятный голос его сестры, великой княжны Натальи Алексеевны, которая была на два года старше своего венценосного брата.

– Наташа... милая...

Петр крепко обнял свою сестру; он был взволнован, на его глазах виднелись слезы.

– Ты, Петруша, теперь – государь над всею Русью. На тебе лежит великая ответственность... Тебе тяжело будет управлять государством.

– Мне Бог поможет, сестрица, у меня будут опытные руководители и помощники.

– Первым вашим руководителем и помощником, государь, буду я, – вслушиваясь в разговор, происходивший между братом и сестрой, самоуверенно проговорил Меншиков.

– Вы, князь? – быстро спросил Петр, стараясь скрыть свое неудовольствие.

– Да, ваше величество, на то было желание покойной императрицы.

– Хорошо, князь... я... я... постараюсь выполнить это желание. Пойдем, сестра, поклониться телу нашей покойной бабушки-императрицы.

Император-отрок, проговорив эти слова, вошел с сестрой в комнату, где скончалась государыня, и преклонил колено пред ее телом. Великая княжна последовала его примеру.

Все, чего жаждал Меншиков, теперь было достигнуто. Он стал чуть не полновластным властелином над всею Русью, регентом государства. Верховный тайный совет не ограничивал его власти. Члены совета беспрекословно делали то, что хотел Меншиков, и горе было тому, кто в чем-либо не соглашался с ним. Его слово, его послание было для всех законом.

Сразу же по кончине императрицы Меншиков показал свою власть, и некоторые родовитые вельможи принуждены были покинуть не только двор, но и Петербург. Прежде всего Меншиков постарался отдалить от императора Петра II Долгоруковых и для этого из дворца перевез юного императора в свой новый роскошный дом.

Петр не любил Меншикова. Да и мог ли он любить человека, который наделал так много зла его покойному отцу, царевичу Алексею? С большой неохотой ехал Петр в дом временщика.

– Ах, Наташа, как в ссылку иду я в дом Меншикова, ненавистен он мне, да и дом его, и его дочь, моя невеста, так же ненавистны, – тихо сказал он, расставаясь с сестрой.

– А ехать тебе, Петя, надо.

– Да, надо... Но я скоро, Наташа, снова вернусь во дворец, только уже не таким, как теперь уезжаю из дворца, – значительно посмотрев на сестру, проговорил император-отрок и крепко обнял ее.

– Поедемте, государь, все готово, – торопил Меншиков Петра. – В моем доме, государь, вам скучно не будет. Я и моя семья постараемся доставить вам всякое удовольствие. Мы все так вас любим, а в особенности моя старшая дочь.

– Вы думаете? – быстро спросил Петр у Меншикова.

– Я уверен, государь.

Меншиков видел и сознавал, что его дочь Мария не нравится государю, но это не мешало ему надеяться, что он станет тестем императора.

«Тогда я буду на высоте величия. О, тогда все мои враги будут трепетать предо мною, и власть моя будет тогда неотъемлема! Я – тесть императора. И во что бы то ни стало я достигну этого» – так раздумывал Меншиков дорогою, сидя в роскошной карете, рядом с императором Петром, которого он вез в свой дом.

Увы! Его враги, во главе которых стояли Долгоруковы, не дремали и деятельно готовили способы к свержению его. Путь для этого у них был – князь Иван Долгоруков, к которому Петр II был чрезвычайно привязан. Хотя император и был временно разлучен со своим любимцем, но Долгоруковы не теряли надежды на то, что он настоит на возвращении к себе князя Ивана Алексеевича, а тогда вновь явится для них возможность воздействовать на монарха-отрока в желательном для них направлении и наконец добиться низвержения все- сильного Александра Даниловича.

V

– Что это, княжич, ты не весел, что свою буйную головушку повесил? – весело проговорил Левушка Храпунов, подходя к своему задушевному приятелю, Ивану Алексеевичу Долгорукову, сидевшему за столом в таверне, что находилась на «проспекте», близ реки Невы.

Эта таверна называлась «Рог изобилия», и ее содержал немец Карл Циммерман. Она в то время играла немаловажную роль: в нее с целью кутежей собиралась вся знатная молодежь, а также и офицеры. Карл Циммерман умел потрафлять своим высокородным гостям, и золото из карманов гостей, посещавших «Рог изобилия», переходило в большие карманы угодливого немца.

Молодой князь Иван Долгоруков часто бывал у Циммермана в таверне и оставлял там много денег со своим товарищем, офицером Преображенского полка Храпуновым.

– А, Левушка, здорово! – поднимая голову и радуясь приходу товарища, промолвил он.

– Да с чего ты, Иванушка, голову-то свою опустил? – переспросил у товарища офицер Левушка Храпунов. – С Меншиковым не поладил, что ли?

– Что Меншиков? Не страшен он мне, Лева!

– Ты правду говоришь, Иванушка, бояться Меншикова тебе не след. Против него у тебя есть защитник посильней и могущественнее Меншикова.

– Ты про государя говоришь? Так до него меня теперь не допускают. Меншиков к себе увез государя и стережет его, как цербер. Ну да авось не надолго. Петр-то Алексеевич сильно меня любит и, наверно, скоро призовет к себе! Да и впрямь, кто лучше меня его повеселить да позабавить может! Эх, скорей бы это случилось! Уж посмеемся мы тогда над Алексашкой!

– Тише, Иванушка, что ты кричишь? У Меншикова везде есть уши и глаза.

– Дай только подрасти императору, он обрубит у Меншикова длинные уши и выколет его не в меру зоркие глаза.

– Ох, Иванушка, с тобой как раз наживешь беду немалую. Тебе хорошо: у тебя, говорю, есть заступа. А за меня кто заступится?

– А я-то? Забыл про меня? Меншикову хотелось услать меня из Питера куда-нибудь подальше, да не пришлось.

– Император заступился за тебя?

– Да! Меншиков задумал женить государя на своей дочери, но это ему не придется, – посматривая из предосторожности по сторонам, тихо проговорил князь Иван.

– Как не придется? Да ведь княжна Мария Александровна уже объявлена невестой государя.

– Что же из того? Только объявлена. А ведь и в самый девичник часто свадьбы расходятся.

– Знаешь, Иванушка, лучше оставим про то говорить. Не место и не время. Ты лучше скажи мне причину своей печали.

– Что говорить! Ты моему горю, Левушка, не поможешь.

– А кто знает? Может быть, и помогу. Ты только скажи... Ведь знаешь, что я для тебя вдрызг расшибусь.

– Спасибо, спасибо, Левушка... Слушай... влюблен я...

– Так с того и тоскуешь? Это на тебя не походит.

– А ты спроси, товарищ, в кого я влюблен-то?

– В кого, в кого?

– В графиню Шереметеву.

– Неужели Наталью Борисовну полюбил? Да как это тебя угораздило?.. Графиня Наталья Борисовна не по тебе...

– Знаю, Левушка, знаю! Не стою я ее. Она святая, а я... Ну что я против нее?.. Бесшабашный гуляка.

– Да расскажи, Иванушка, как это случилось?

– Увидел я графиню Наталью, и она душу мою озарила. Видал ты, Левушка, когда-нибудь Наталью Борисовну?

– Раз только видел.

– Ну, ну, что? Какой она тебе показалась?

– Только и могу сказать тебе, Иванушка: красота графини Натальи Борисовны какая-то особая, не человеческая.

– Именно, именно... Сам я, Левушка, сознаю, что любить такую девушку мне не след. Она выше любви, я... я не смею любить графиню Наталью и все же люблю ее.

– Посватайся.

– Что ты, что ты! Какой я жених? Да графиня за меня и не пойдет. Ей все мои «художества» известны, и смотрит она на меня как на бесшабашного пропойцу и кутилу.

– Что же ты намерен делать? – спросил Храпунов.

– Пить, гулять – может, в разгульной жизни я позабуду свою любовь и в пьянстве найду себе утеху, – с тяжелым вздохом ответил товарищу князь Иван.

– Эх, сердечный мой! Жаль мне тебя, а помочь тебе мне нечем.

– И не надо, Левушка, предоставь меня моей судьбе. А есть у меня предчувствие, что судьба до добра меня не доведет.

– Полно, Иванушка, не пеняй на судьбу. Она тебя балует, и счастье улыбнется тебе.

– Эх, Левушка, счастье мое непрочно. Есть у меня приятели, а больше того – недругов, и сила на их стороне. Ну да и то молвить, не боюсь я их, не боюсь. Я всей душой люблю государя и до гроба – его слуга верный и преданный. Как ни силен, как ни могуществен светлейший князь Меншиков, забрать в руки царственного отрока я не дам! – твердым голосом проговорил Иван Долгоруков.

– Тише, Иванушка, тише! – испуганно промолвил его собеседник. – За нами следят.

– Кто, кто?

– Оглянись назад и увидишь.

Долгоруков быстро обернулся и увидел какого-то закутанного в плащ человека в нахлобученной треуголке, закрывавшей половину его лица.

– Видишь? – тихо спросил у Долгорукова Храпунов.

– Вижу... кто это?

– Секретарь Меншикова, Зюзин; я узнал его. Беда, если он подслушал наш разговор!

– А это я сейчас узнаю! – И Долгоруков направился к столу, за которым сидел личный секретарь Меншикова, Зюзин, душой и телом преданный ему. – Послушайте, вы... господин фискал, за благо даю вам совет: переседайте за другой стол, не то быть тебе битому, – громко и угрожающим тоном промолвил ему молодой князь.

– Кто дал тебе право, господин офицер, наносить мне оскорбление? – тихо спросил Зюзин, меняясь в лице.

– В моих словах оскорбления не видно, а что я назвал тебя фискалом, так эту кличку ты вполне заслужил...

– Ты... ты, князь, ответишь за меня.

– Может быть. А чтобы уж заодно отвечать, я, кстати, поколочу тебя... Вон, крапивное семя! – грозно крикнул на Зюзина князь Иван, замахиваясь на него.

Личный секретарь Меншикова почел за благо ретироваться при громком хохоте всех находившихся в таверне.

Это происшествие с Зюзиным не прошло даром ни для князя Ивана Долгорукова, ни для его приятеля Храпунова. Гнев Меншикова обрушился на них обоих, в особенности на бедного Левушку. Несмотря на то что он в оскорблении Зюзина не был виновен, его, по приказу фельд-маршала Меншикова, посадили «под строгий караул» при полку. Что касается Долгорукова, то он был любимцем императора, а потому Меншиков волей-неволей принужден был щадить своего врага. За скандал в таверне Долгоруков поплатился только тремя днями ареста, но за этот арест еще более возненавидел Меншикова и вместе со своими именитыми родичами стал всеми силами стараться расстроить брак Петра II с дочерью Меншикова.

Император-отрок так привязался к Ивану Долгорукову, что не хотел разлучаться с ним и требовал, чтобы тот всегда находился при нем. Это исполнялось, князь Иван приобрел огромное влияние на государя, и могущественный Меншиков был ему теперь нисколько не страшен.

Петр все более и более стал охладевать к своему первейшему министру и регенту, вследствие чего могущество Меншикова пошатнулось. В державном отроке Петре II стал просвечивать нрав его великого деда: он требовал беспрекословного исполнения своих приказаний, не любил никаких возражений.

Петру не нравилось пребывание в доме Меншикова, и он с нетерпением ждал того дня, когда ему можно будет выехать в летнюю резиденцию, то есть в Петергоф, где для него отделивали дворец.

К своей невесте Петр тоже не благоволил и не старался скрывать это. Он по целым неделям не видался со своей невестой и всячески избегал встреч с нею.

Княжна Мария и прежде мало верила, что государь женится на ней, а теперь еще более сомневалась в этом, видя, что отношения между ее честолюбивым отцом и державным женихом обострились.

– Матушка, никогда, никогда мне не быть женою государя! – сказала она однажды матери. – Он смотреть на меня не хочет, избегает даже встречаться со мною.

– Вижу, милая, сама сознаю, – с глубоким вздохом ответила Дарья Михайловна. – Знать, все затеи нашего Данилыча окончатся ничем!

– А я нисколько не сожалею об этом. Ну какая я царица?.. Ведь во мне царственного ничего нет. Я плачусь только на свою судьбу злосчастную, которая разлучила меня с милым сердцу... Был у меня жених, граф Сапега, – его отняли у меня. Полюбила я князя Федора

Долгорукова, думала найти с ним счастье в супружестве – и с ним меня разлучили. И все отец... все мои несчастья через него! – со слезами проговорила княжна Мария. – И зачем он счастье мое разбивает, зачем? Пойми, матушка, ведь мое положение ужасно! Меня отец навязывает государю, который не только меня не любит, но даже смотреть не хочет. И делает это отец не из-за любви ко мне, нет, а лишь для своего тщеславия, для своего большого могущества. Император – зять... Есть чем похвалиться!

– Ох, Машенька, милая! И сама я знаю, сама все вижу, но что же я поделаю с Данилычем? Моих слов он и слушать не хочет. Слеп он, не видит, что около него грозная туча собирается... Врагами он окружен со всех сторон, сам гибнет и других в погибель тянет. Вас, деток сердечных, мне жалко. За что вы, неповинные, терпеть будете? – утирая слезы, промолвила княгиня Дарья Михайловна.

– Матушка, я хочу повидаться с государем, хочу выяснить свое положение.

– Это хорошо. Тебе даже необходимо откровенно переговорить с ним. Теперь государь дома. Вот бы тебе, Машенька, сейчас к нему пойти?

– Боязно как-то.

– Чего же тебе бояться? Войди к государю «прямым лицом» и все ему скажи, что есть у тебя на сердце. На правду государь ответит тебе правдой.

– Я... я пойду.

– Иди, иди, дитячко мое... Господь с тобой!

Княжна Мария обняла мать и отправилась на половину императора Петра, своего обрученного жениха.

Императрица Екатерина Алексеевна скончалась 6 мая 1727 года, а 27 мая того же года происходило обручение двенадцатилетнего императора Петра с семнадцатилетней дочерью князя Меншикова Марией.

Царское обручение происходило с особой торжественностью и пышностью. В домедворце Меншикова в тот день перебивали весь генералитет и все вельможи государства. Поздравляли императора, его нареченную невесту, а также сияющего и торжествующего Меншикова.

Кажется, в тот день были все счастливы, кроме одной царской невесты. Бледная, печальная, с заплаканными глазами, холодно принимала она приветствия и поздравления. Как до обручения, так и после него император Петр был по-прежнему холоден к своей невесте и даже избегал говорить с нею.

Княжна Мария видела это и решила в личной беседе выяснить все положение. Идя на половину жениха, она составила такое обращение к нему:

«Государь, если я не нравлюсь вам, то откажитесь; еще есть время. Не любя не женитесь; себе, государь, не отравляйте жизни и меня не губите».

Мария подошла к двери и слегка приотворила ее; она была бледна как смерть и сильно взволнована.

Государь был не один: с ним находились его сестра, великая княжна Наталья Алексеевна, и Андрей Иванович Остерман. На плечах у государя был накинут плащ.

– Что с вами? Вы так бледны! – спросил у вошедшей невесты Петр.

– Это пройдет, государь!.. Но мне... мне надо поговорить с вами, – робко сказала княжна Мария.

– Только не теперь, пожалуйста, не теперь! Я еду с сестрой кататься. Сегодня я приготовил все уроки Андрею Ивановичу, и он отпускает меня на прогулку. Не так ли, Андрей Иванович? – обратился он к своему воспитателю.

– Совершенно справедливо, ваше величество! Если бы вы изволили все дни так готовить свои уроки, как сегодня, то я был бы несказанно рад тому.

– Вот всегда так, Наташа, – обратился император к сестре. – Я учусь, а Андрей Иванович называет меня лентяем.

– Андрей Иванович любит тебя и желает добра, надо его слушать, Петруша, – тоном старшей сестры заметила царевна Наталья...

– Я и слушаю. Только Андрей Иванович все морит меня над книгами. Ну, Наташа, едем, едем!

– Государь, уделите мне несколько минут, – голосом, полным мольбы, промолвила бедная княжна Мария.

– Только не теперь, княжна. Я еду. – И, сказав это, Петр под руку с сестрой поспешно вышел из комнаты.

VI

Прошло несколько времени, и у императора возник новый повод для раздражения против Меншикова.

– Какая дерзость... какая неслыханная дерзость! Как он смел ослушаться моей воли?.. Я... я заставлю Меншикова повиноваться моим повелениям. Я – император! – не говорил, а гневно выкрикивал император-отрок.

Он был сильно раздражен поступком Меншикова, заключавшемся в следующем.

Петербургские каменщики, нажившие хорошие деньги благодаря большим постройкам в Петербурге и движимые благодарностью, поднесли отроку-императору на роскошном блюде девять тысяч червонцев. Государь послал эти деньги с обер-камердинером Кайсаровым к своей сестре, великой княжне Наталье Алексеевне. Кайсаров направился во дворец, но повстречался с князем Меншиковым.

– Ты куда несешь червонцы? – спросил последний у обер-камердинера.

– К ее высочеству Наталье Алексеевне.

– Кто послал?

– Император.

– Император еще очень молод и не знает, на что следует употреблять деньги; отнеси их ко мне, а я увижу государя и поговорю с ним.

Кайсаров стоял в нерешимости и не знал, что делать; он боялся нарушить приказание императора, а также опасался своим непослушанием прогневить всемогущего вельможу.

– Что же ты стоишь? Неси червонцы ко мне! – крикнул последний. – Я приказываю.

– Слушаю, ваша светлость! – покорно произнес Кайсаров, и новенькие червонцы очутились не у сестры государя, а у Меншикова.

Император-отрок в тот же день поехал во дворец навестить свою сестру Наталью Алексеевну, а также свою красавицу тетку, царевну Елизавету Петровну.

– Ну что, Наташа, довольна ли ты моим подарком? – самодовольно улыбаясь, спросил он у сестры.

– Каким подарком? – удивилась великая княжна.

– Ведь я прислал тебе с Кайсаровым девять тысяч новеньких червонцев.

– Ни червонцев, ни Кайсарова я и в глаза не видала.

– Как не видала? Не может быть! Я сейчас это узнаю... узнаю, – с волнением проговорил Петр и приказал позвать Кайсарова.

Тот без боязни рассказал разгневанному государю о происшествии с червонцами.

Император-отрок разразился угрозами против Меншикова.

– Ах, бедный мой Петя! Меншиков слишком много забрал власти и смотрит на тебя как на мальчика, – с улыбкой проговорила Наталья Алексеевна.

– Ну, я научу его смотреть на меня как на императора. Я сейчас же прикажу ему возвратить червонцы. Я сейчас поеду и потребую у Меншикова отчета.

Вернувшись к себе, император-отрок сейчас же потребовал к себе Меншикова. Александр Данилович не заставил себя дожидаться и своей величавой походкой вошел в кабинет государя. Петр своим отроческим грозным взглядом встретил временщика. Однако Меншиков несколько не смутился и твердо выдержал этот взгляд.

– Как ты смел, князь, помешать исполнению моего приказа? – гневно проговорил император, возвышая свой голос.

– Я никогда, государь, не мешаю исполнять ваши приказы, если они служат к вашему величию и к величию нашей земли, – спокойно промолвил Меншиков.

– Где червонцы, которые я отправил сегодня в подарок к сестре? Где они? Как смел ты не послать их по назначению? – все более и более сердясь, воскликнул государь.

– Ведомо тебе, государь, что наша казна истощена? Вот я и задумал было употребить эти девять тысяч червонцев на более полезное дело и об этом хотел сегодня же представить вашему величеству проект.

– Все это так, но не забывай, князь, что я – твой император, а ты – мой подданный... Ты не смеешь нарушать мои приказания!.. Не смеешь!.. – И император-отрок со злобою посмотрел на Меншикова. – Я заставлю, я научу тебя мне повиноваться, – добавил Петр и сердито отвернулся от своего первого министра.

Меншиков был поражен и удивлен: таким грозным он никогда не видал Петра; в словах и в глазах царственного отрока был виден теперь его великий дед. Император-отрок, дотоле боязливый и покорный, вдруг переменялся и заговорил голосом имеющего верховную власть. Меншиков смотрел на Петра как на мальчика, и этот мальчик теперь стал приказывать, повелевать ему!..

«Что это значит?.. Я не узнаю государя, он кричит на меня, приказывает... Видно, Долгоруковы вооружили против меня Петра... это – их работа... их», – подумал Александр Данилович, понуря свою голову, и тихо, покорно произнес:

– Государь, ваше величество... положи гнев на милость!.. Червонцы я сейчас же пошлю великой княжне, сейчас пошлю... Прикажешь, еще своих добавлю!

– Твоих, князь, ни мне, ни моей сестре не надо; береги их себе и предлагать мне не смей. Но, повторяю, меня волнует, что ты, кажется, забыл, что я – император, – гневно и с достоинством проговорил Петр.

Меншиков испуганно притих.

– Прости, государь, – чуть слышно проговорил он.

Император-отрок имел доброе, податливое сердце, ему стало жаль Меншикова, и он, протягивая ему руку, совершенно спокойно произнес:

– Князь, на этот раз я тебя прощаю и не гневаюсь на тебя.

Меншиков подобострастно раскланялся.

Эта приниженность окрылила Петра II; он стал еще более отдаляться от своего первого министра. Как ни хитер был Меншиков, но, сделав большой промах историей с червонцами, он окончательно восстановил против себя юного государя и его сестру царевну Наталью.

Император-отрок с великими княжнами и со всем двором переехал в Петергоф и чрезвычайно радовался тому, что вырвался из-под опеки, из дома Меншикова, и Александр Данилович стал опасаться, что дни его власти сочтены.

К этому еще присоединился его разрыв с Остерманом, которого Меншиков восстановил против себя своим заносчивым характером.

Как-то Меншиков стал упрекать Остермана тем, что он плохо следит за воспитанием и образованием юного государя и за его преподавателями. Не обошлось без угроз. Это обидело Остермана, и между двумя важными министрами произошел разрыв.

Однако Меншиков, упрекая Остермана в плохом воспитании государя, был прав. Император-отрок, находясь в Петергофе, предавался различным увеселениям и развлечениям и не обращал никакого внимания на книги и на преподавателей. Теперь при нем неотлучно находился князь Иван Долгоруков; он изобретал для юного государя различные забавы и развлечения, и они оба целые дни проводили то на охоте, то на прогулке. Про свою обрученную невесту государь совсем забыл и обратил все свое отроческое внимание на красавицу тетку, царевну Елизавету, которая тоже была не прочь пококетничать с красивым племянником.

Однажды, гуляя с нею по петергофскому парку, император сказал ей:

– Ах, Лиза, ты не знаешь, как я люблю тебя, как люблю!.. Я только тогда и весел, когда ты со мною.

– Спасибо, государь-племянник, – ответила ему красавица царевна, слегка улыбаясь.

– Ты все смеешься надо мной, Лиза, все считаешь меня мальчиком.

– Нет, ты взрослый, у тебя, Петруша, усы пробиваются.

– Да перестань ты смеяться, Лиза! – топнув ногою, капризно проговорил император-отрок. – Тебе вот смешно, а мне горько... очень горько.

– С чего, Петрушенька?

– А с того: я вот тебя люблю, а ты меня не любишь.

– Я не люблю тебя? Что ты, Петруша! Я люблю тебя как государя, как племянника.

– И только!.. А я... я люблю тебя больше. Я вот подрасту и непременно женюсь на тебе.

– Вот как?.. А ты, Петруша, забыл, что у тебя есть невеста?

– Нет у меня никакой невесты, – хмуро промолвил юный государь.

– А дочь Меншикова, Мария?

– Не вспоминай мне про нее, Лиза! Я и слышать про нее не хочу. Она и сам Меншиков страшно, страшно надоели мне!

– Стало быть, государь, ты не любишь своей невесты?

– Разумеется, не люблю... Тебя я люблю, Лиза.

– Не обо мне речь, государь, а о твоей невесте обрученной.

– У меня нет невесты, нет!.. Дочь Меншикова мне не невеста. Какая она мне невеста? У нее был жених, граф Сапега, пусть она за него и выходит.

– Как же так, Петруша? А князь Меншиков?

– Что мне Меншиков? Я – император, а Меншиков – мой подданный! Над всяким подданным я имею власть и могу уничтожить, раздавить всю силу Меншикова, – сверкнув глазами, громко проговорил император-отрок.

– Петруша, я боюсь тебя. Ты похож на моего отца – на великого императора. И в твоих глазах, и в твоём голосе я узнаю моего отца, а твоего деда.

– Да, да, Лиза! Не одна ты, а и многие другие находят во мне большое сходство с моим дедом, великим императором. О, как желал бы я быть во всем похожим на него!.. Быть таким государем – большое счастье.

– Мой отец, Петруша, любил учиться. Он всю жизнь учился.

– Ты упрекаешь меня в лени? – со вздохом спросил император-отрок.

– Нет, нет, я только говорю.

– Лиза, не все же мне сидеть за книгами! Мне хочется повеселиться, погулять, теперь лето. Наступит зима, начну учиться... А Меншикова, Лиза, я скоро укрошу, я дам ему себя знать. Вот идет князь Иван, видно, на охоту меня звать... Отгадал я, Ваня? Ты на охоту пришел меня звать? Так? – весело проговорил Петр, идя навстречу своему любимцу.

– Не совсем так, государь, – ответил Долгоруков. – Посол от князя Меншикова прибыл, государь.

– Зачем еще?

– Меншиков тяжело болен... Вдруг захворал... при смерти... Просит тебя, государь, навещать его, письмо прислал.

– Как это скучно!.. Я не поеду. Лиза, не ехать?

– Воля твоя, государь.

Больной Меншиков был в своем имении в Ораниенбауме и оттуда прислал гонца с письмом к государю. Оно было написано дрожащею рукою, тепло и красноречиво; в нем Александр Данилович прощался с императором-отроком, увещевал его быть правосудным, принимать советы Остермана и других честных и правдивых вельмож, указывал Петру на его царские обязанности относительно России и т. д.

Кроме того, Меншиков, приготовляясь умирать, послал письма также и к членам верховного совета, поручал им свою семью и просил прощения, если согрешил перед кем.

Александр Данилович и на самом деле был очень слаб: он страдал сильной лихорадкой и кашлял кровью.

Волей-неволей юному государю пришлось отложить охоту и ради приличия поехать навещать больного министра.

Александр Данилович, худой, бледный, расслабленный лихорадкой, принял своего державного гостя лежа в постели.

– Прости, государь, что лежу перед твоим императорским величеством... Встал бы, да не могу, – слабым голосом проговорил он. – Умирать я собрался, государь.

– Зачем умирать? Живи.

– Что жить, когда жизнь немощного старика теперь стала никому не нужна? Пожил, послужил, пора очистить место другим, молодым, а мне и на покой... Верой и правдой служил я, государь, твоему великому деду; служил императрице Екатерине и тебе думал послужить нелицеприятно, да не судил Бог, не судил.

Тут Меншиков сильно закашлялся. Он стонал и метался.

Когда припадок кашля миновал, Меншиков опять заговорил:

– Государь, когда меня не станет, выбери себе достойного помощника, хоть Остермана; он хотя и немец, но, кажется, любит Россию и тебя, государь. Держава твоя велика, однако не устроена. Твой дед, покойный император, много трудился, много им начато, но не кончено, и тебе, государь, придется доканчивать. Послужи земле и народу, и за это Бог возвеличит тебя, как возвеличил твоего великого деда. Последуй ему, он до самой своей смерти неусыпно трудился. Если я в чем согрешил или провинился перед тобою – прости меня, верного и преданного тебе раба. Прости умирающему... Видит Бог, что все мои желания были к твоему, государь, благоденствию и к благоденствию твоего народа.

– Знаю и верю, князь Александр Данилович, – с волнением проговорил Петр, которого тронули страдания Меншикова. – Тебе вредно, князь, много говорить, не лучше ли отложить до другого раза?

– Я сейчас окончу и задерживать ваше императорское величество не буду. Теперь мне все равно... дни мои сочтены. Государь, умру я, не оставь моей семьи, Машеньки не покинь, она – твоя обрученная невеста и должна, по Божьему, быть твоей женою... Скажи, государь, женишься ты на ней? Богом прошу, скажи... Успокой умирающего старика! – И Меншиков заплакал.

Император-отрок хмуро молчал.

– Ты молчишь, государь, молчишь? Стало быть, ты отдумал жениться на моей дочери? Скажи, ваше величество.

– О женитьбе, князь, я не думаю. Да и рано мне думать о том.

– Но ведь ты, государь, обручился с моей дочерью и должен жениться на ней, а не на другой, – дрожащим голосом, прерываемым слезами, проговорил князь Меншиков.

– Я не говорю, что женюсь на другой, но просто-напросто о моей женитьбе еще рано говорить, – сухо ответил государь.

Эти слова несколько успокоили Меншикова.

Петр недолго пробыл в Ораниенбауме и поспешил в Петергоф, где его ждали близкие его сердцу люди.

Крепкий организм и искусство врачей помогли князю Меншикову, и он стал быстро поправляться, к неудовольствию своих врагов, которые думали, что смерть избавит их от все-сильного временщика.

Болезнь отдалила Меншикова от императора-отрока; многие дела по государству уже решались, минуя его, регента и первого министра. При дворе стали привыкать к его отсутствию; его заменили Долгоруковы, и светлая звезда все-сильного временщика стала потухать.

Но Александр Данилович еще не падал духом; он надеялся поправить дело и быть по-прежнему первым человеком в государстве.

Для этого он решил воспользоваться следующим случаем.

В своем роскошном имении в Ораниенбауме он назначил в первых числах сентября освящение церкви и стал домогаться того, чтобы на этом духовном торжестве присутствовал государь, так как это сразу уничтожило бы слухи о неприязненном отношении к нему Петра.

Он униженно и чуть не со слезами стал просить Петра посетить Ораниенбаум и своим высочайшим присутствием осчастливить его, немощного старика, и всю его семью. Просьбы тронули государя: он дал слово быть.

Веселым и радостным вернулся Меншиков из Петергофа и занялся приготовлением к предстоящему торжеству. После освящения церкви был назначен большой праздник с угощением и подарками для простого народа, а в своем дворце Александр Данилович устраивал в день приезда юного государя такой бал, который своим великолепием должен был затмить все прежние балы.

«Приедет государь, я постараюсь объяснить с ним и положу конец всем сплетням. Я по-прежнему буду верховным министром в государстве и всех своих недругов заставлю молчать и повинаться мне, не то – горе им будет», – думал Меншиков, занятый хлопотами по устройству праздника.

– Батюшка, мне надо сказать вам несколько слов, – обратилась к нему вошедшая в кабинет княжна Мария, обрученная невеста императора Петра II.

– После, после... не теперь... я так занят приготовлениями.

– Нет, мне надо переговорить с вами сегодня, – настойчиво промолвила княжна.

– Почему же непременно сегодня?

– А потому, что завтра обещал быть у нас государь, мой жених, – последние слова княжна сказала с насмешкой, – и вы должны выяснить ему положение...

– Я не понимаю тебя, Маша.

– Давно ли, батюшка, вы стали так непонятливы? Прошу вас объяснить мне, что я такое... Я – царская невеста, так?

– Разумеется.

– Батюшка, вы заблуждаетесь! Неужели вы думаете, что государь женится на мне и я буду царицей?

– Ты – обрученная царская невеста.

– Обрученная!.. Батюшка, да разве вы не видите, что происходит вокруг нас? Государь на меня и смотреть не хочет, он совсем забыл, что на свете существует несчастная княжна Мария, которую чуть не насильно обручили с ним. Батюшка, зачем вы сделали это, зачем вы погубили меня? – У княжны дрогнул голос, и по ее бледным щекам потекли слезы.

– Я... я погубил тебя? – с удивлением воскликнул Меншиков. – Одумайся, что ты говоришь и с кем говоришь!

– Простите, батюшка, я сознаю, что мои слова грубы, что мне не следовало бы так говорить с вами. Но что же мне делать? Ведь я измучилась от дум и от терзаний. Меня обручили, а жених и знать меня не хочет. Да и не пара я государю, ведь он – мальчик. Даже в то время, когда государь жил в нашем доме, и тогда он избегал говорить со мною. Пусть лучше откажется от меня государь.

– Я... я знаю, чьей невестой хочется тебе быть... Еще, видно, не забыла Федора Долгорукова? – сердито заметил дочери князь Меншиков.

– И никогда не позабуду его.

– Пожалуй, помни... твое дело... Только его женой ты не будешь.

– Кто знает, батюшка! Будущее от нас закрыто непроницаемой завесой. Вы вот думали, что я буду царскою женой.

– И будешь, будешь! – грозно крикнул Александр Данилович, все еще, по-своему властолюбию и тщеславию, думавший выдать дочь за императора-отрока.

– Батюшка, и сейчас вы не теряете надежды выдать меня за государя? – с насмешкою спросила у отца княжна Мария.

– Да... не теряю...

– Повторяю, вы заблуждаетесь.

– Это мы увидим... А теперь оставь меня, я занят.

подавив в себе вздох, бедная княжна Мария вышла из кабинета.

VII

Наступил день торжества; все было приготовлено к приезду государя. В церкви для него было сделано возвышение с балдахином, украшенное дорогим бархатом и парчой. В Ораниенбаум собралось много гостей, и Меншиков с нетерпением поджидал приезда государя.

Однако прошло время, в которое должен был приехать Петр, а его не было; вскоре из Петергофа приехал царский посол, офицер Левушка Храпунов. Он, как мы уже знаем, ни за что ни про что по приказанию Меншикова был посажен под арест, но князь Иван Долгоруков, будучи искренним приятелем Левушки, испросил ему защиты у государя. Левушка был освобожден, принят в свиту государя вопреки желанию Меншикова, и теперь ему пришлось ехать в Ораниенбаум с известием, что государь быть там не может.

При этом известии Меншиков изменился в лице и дрожащим голосом проговорил:

– А по какой причине его императорское величество не может приехать?

– Про то я ничего не знаю, ваша светлость, – почтительно ответил офицер-гвардеец.

– Звать тебя Леонтий, а по прозвищу Храпунов? – спросил Меншиков, хотя лично знал офицера Храпунова, однако, не благоволя к нему, решил поиздеваться над ним. – Я думаю, господин офицер, что это поручение принесло тебе особенную радость? – горько улыбаясь, спросил он.

– Я все поручения и приказы его величества государя исполняю с одинаковой радостью.

– А разве не составляет для тебя радости возможность унижить меня, причинить мне неприятность?

– Ни малейшей, ваша светлость, – откровенно ответил Левушка Храпунов, который, обладая мягким сердцем и ценя в Меншикове крупного государственного деятеля, давно забыл нанесенную им обиду.

– Стало быть, зла против меня ты не имеешь?

– Никогда не имел и иметь не буду, ваша светлость.

– Спасибо! Ты, господин офицер, по-христиански живешь – зла не помнишь. Будь сегодня на празднике моим гостем!

Началось освящение храма, и говорят, будто Меншиков во время богослужения стал на место, приготовленное императору Петру II. Это было замечено присутствующими, в церкви пошло шушуканье, однако громко говорить боялись, опасаясь временщика, и чин освящения продолжался. Остальная программа дня тоже была выполнена, но прошла без оживления – хозяин дома был хмур и мрачен, его беспокоило отсутствие государя; он понимал, что это произошло неспроста, а, очевидно, под влиянием его врагов. Поэтому праздник закончился рано и в тоскливом настроении.

Проводив гостей, Меншиков хотел было направиться в кабинет, но его остановила княгиня Дарья Михайловна, сказав ему:

– Александр Данилович, не уходи... зайди ко мне. Поговорить с тобою мне надо.

– Ну, что такое?.. Говори здесь... в зале никого нет.

– Знаешь, что мне сегодня Машенька сказала? – как-то таинственно проговорила княгиня Меншикова, оглядываясь по сторонам. – Будто она больше жить так не может и уйдет куда глаза глядят.

– Что такое? Кто ее пустит? Да как она смеет? Убежать?.. Да я в монастырь ее отправлю. Это ты... ты, Дарья, детей избаловала... вот теперь и возись с ними, и выслушивай их грубости.

– Себя вини, Александр Данилович, а не меня и не детей наших... Они ни в чем не повинны.

– Я ли не старался для Марьи?.. Через меня она в невесты попала к государю. Ее поминуют в церквях, великой княжной называют... на ее двор тридцать четыре тысячи отпускают, а Марье все мало... это ей все нипочем.

– Ничего, Данилыч, она этого не требует от тебя!

– Так чего же еще ей надо? Какого рожна? – крикнул Меншиков.

– Покоя душевного надо нашей Маше. Ведь с тех пор как нарекли ее царской невестой, Маша покоя себе не видит, измучилась, сердечная. С самого дня обручения государь не сказал ей двух слов ласковых, сторонится ее. Мой совет, Александр Данилович, скорее поезжай в Петергоф, переговори с государем, спроси, женится ли он на Маше? Хоть и наперед я знаю, что тому не бывать, а все же спроси, узнай.

Князь послушался доброго совета жены и поехал в Петергоф. Однако он не застал государя и остался дожидаться его возвращения.

Петр скоро вернулся; ему доложили о Меншикове.

– Ах, как это неприятно!.. Где он? – хмуро спросил император-отрок.

– Во дворце, ваше величество.

– Ну и пусть его там дожидается! – И государь, не заходя во дворец, отправился в сопровождении князя Ивана Долгорукова в сад.

Это пренебрежительное отношение монарха-отрока имело свои основания. Он и вообще-то был не расположен к Меншикову и очень охотно согласился не поехать на праздник светлейшего, что ему посоветовали недоброжелатели Александра Даниловича, желавшие нанести тяжелый удар самолюбию последнего. Но этого было мало; они же, недоброжелатели Меншикова, сообщили государю о том, что Александр Данилович занял в церкви место, приготовленное для монарха, и, конечно, это было передано с разными прикрасами и преувеличениями, а в результате у Петра Алексеевича еще более усилилось недовольство Меншиковым, и он буквально-таки не мог видеть его.

А Меншиков с нетерпением ожидал императора.

Наконец Храпунов, находившийся во дворце, шепнул Меншикову, что государь возвратился и находится в саду. Александр Данилович направился туда же и, представившись государю, стал почтительно спрашивать его, почему он не был на освящении церкви.

– Потому что не мог... плохо себя чувствовал, – холодно ответил Петр.

– А мы все так ждали тебя, государь, и в особенности княжна Мария. Неприбытие к нам твоего величества принесло моей дочери немалую скорбь.

– Вот как? Я этого не знал.

– Государь, дозвожь мне сказать несколько слов...

– Только не теперь... пожалуйста, не теперь. Я сейчас еду на охоту...

– Я только на малое время задержу тебя, государь. Выслушай меня, о том прошу твое царское величество усердно. – И Меншиков низко поклонился Петру, причем голос у него дрожал.

– Ах, как это скучно! – с неудовольствием проговорил император-отрок и, повернувшись к своему любимцу, быстро спросил у него: – Все готово, Ваня?

– Все, государь.

– Так поедем!.. – И Петр, не взглянув на Меншикова, прошел мимо него и скоро уехал.

Еще так недавно могущественный и всесильный вельможа, заставлявший невольно трепетать всякого, стоял теперь всеми оставленный, беспомощный, понуря свою властолюбивую голову; ему стало ясно его безвыходное положение, он понял, что его падение близко и что его враги торжествуют.

Однако он еще не сдавался и остался в Петергофе ночевать, думая утром объясниться с государем. Но Петр, вероятно, избегал этого объяснения, опять уехал на охоту.

Меншиков хотел зайти на половину великой княжны Натальи Алексеевны, но когда ей сказали, что к ней идет Меншиков, то она, «чтобы избавиться от неприятности видаться с ним», как говорят показания современников, «выпрыгнула из окна» в сад и уехала.

Тогда Александр Данилович решился обратиться с просьбой замолвить за него словечко перед государем к царевне Елизавете Петровне. Во время своего могущества он мало обращал внимания на нее, теперь же ему пришлось лукавить перед дочерью своего благодетеля: он распространялся о своих прежних заслугах, жаловался на неблагодарность государя и говорил, что ему теперь при дворе нечего делать, что он хочет уехать в Украину и начальствовать там над войском.

– Что же от меня, князь, ты хочешь? – выслушав длинную речь Меншикова, спросила Елизавета Петровна.

– Будь заступницей за меня, матушка цесаревна. Государь расположен к твоему высочеству... объясни ему мое несчастное положение и положение моей бедной дочери Марии; ведь она измучилась...

– В этом я не могу помочь твоей дочери: государь не любит ее, она не нравится ему, а ты сам хорошо знаешь, что насильно мил не будешь.

– Не нравится государю моя дочь, пусть он скажет об этом, тогда Марья не будет и считаться его невестой; если нужно, она даже в монастырь уйдет. И я уеду хоть на Украину и там буду нести службу верой и правдой моему государю.

Царевна, чтобы скорее отделаться от Меншикова, обещала ему свое ходатайство перед племянником государем.

Идя от цесаревны, Меншиков повстречался с Остерманом. Хитрый Андрей Иванович хотел только ограничиться поклоном с бывшим временщиком, но Меншиков остановил его:

– Постой малость, Андрей Иванович, и ты куда-то спешишь?

– У меня так много дела, князь, я должен...

– Ты должен выслушать меня.

– Но мне, право, князь, недосуг.

– И ты против меня, и ты? Вижу, все – друзья-приятели до черного дня; не забывай того, Андрей Иванович, что ты мне обязан кое-чем, припомни хорошенько!

– Я помню, князь, помню.

– Еще, барон Остерман, не забывай превратностей человеческой судьбы. Нынче ты в почести и славе, а завтра, может быть, будешь всего лишен. На мне учись превратностям судьбы. Хотел было я поговорить с тобою, попросить твоего заступничества, да не надо; все равно ничего ты для меня не сделаешь, и слова мои, и просьбы будут напрасны. Прощай! Хоть и недруг ты мне, а все же не желаю тебе чувствовать теперь то, что я чувствую, и переносить то, что я переношу! – И, сказав это, Меншиков уехал из петергофского дворца.

Его положение действительно пошатнулось. Шестого сентября 1727 года император-отрок издал указ, в силу которого власть князя Меншикова значительно уменьшалась; в указе, между прочим, было сказано:

«И ноне же Мы так же всемилостивейше намерены, для лучшего отправления всех государственных дел и лучшей пользы верноподданных Наших, сами в верховном Нашем тайном совете присутствовать, и для того потребно, чтобы оный совет всегда отправлялся при боку Нашем; того ради отвести в том же Нашем летнем дворце одну палату, в которой бы по приезде Нашем оный совет отправляем быть мог».

Однако, несмотря на это, Меншиков все еще продолжал властвовать и отдавать различные приказания.

Это не могло не раздражать государя.

– Я покажу, кто из нас император: я или Меншиков! – грозно крикнул Петр, топнув ногою.

– Успокойтесь, государь, за свое непослушание князь Меншиков ответит, – вкрадчивым голосом проговорил Остерман, показывая вид, что старается успокоить своего державного воспитанника, а на самом деле старался наговаривать на Меншикова.

– Да, да, он ответит мне, он поплатится. Андрей Иванович, сейчас же прикажи все мои вещи и одежду, находящиеся в доме Меншикова, перевезти сюда, во дворец.

– Слушаю, государь... А если князь Меншиков не послушает и вещей ваших, государь, не выдаст? От него, ваше величество, всего можно ожидать.

– Я... я укрошу Меншикова, я согну его в дугу... Ты увидишь, Андрей Иванович, как я с ним поступлю, ты увидишь.

– Ведь князь Меншиков – будущий тесть вашего величества. Удобно ли, государь, будет с ним круто поступить?

– Меншиков – мой тесть? Да ты никак с ума сошел, Андрей Иванович? Он никогда им не будет... Никогда!

– А его дочь, княжна Мария Александровна, ведь она обручена с вашим величеством.

– Что же такое? Обручена, но не венчана. Кстати, сегодня же сделать распоряжение, чтобы в церквах дочери Меншикова на ектениях не поминали и моей невестой не называли. О том нужную бумагу изготовь и пошли к преосвященному Феофану, – тоном, не допускающим возражения, проговорил император-отрок.

Да и кто стал бы возражать ему? Все вельможи, весь двор радовались падению всесильного временщика, и более других тому радовался хитрый Остерман.

Участь Меншикова была окончательно решена. Птенец великого Петра, всесильный, почти полновластный правитель России пал... Этого колосса и богатыря победил державный мальчик.

Петр II был почти обязан возведением на престол Меншикову, но, несмотря на это, тяготился им, не любил его... Да и мог ли он любить человека, который чуть ли не первый подписал смертный приговор его отцу, злосчастному царевичу Алексею Петровичу? Мог ли забыть юный Петр то пренебрежение, с каким относился к нему и к его сестре Наталье Меншиков во время царствования императрицы Екатерины I? Царственные дети – Петр и Наталья – жили совершенными сиротами, в забросе, в задних комнатах дворца; оба они нуждались во многом,

и все из-за того же Меншикова, потому что временщик сокращал расходы на их содержание. Могли ли все это забыть царственные дети?

Прежние грехи Меншикова, то есть его различные злоупотребления и те приемы, какими были нажиты Меншиковым миллионы, – одних крестьян у него было около ста тысяч человек, – обо всем этом слышал и знал император-отрок и решил опять обратиться Меншикова в ничто, из которого тот вышел по воле великого преобразователя.

На человека, который титуловал себя так: «Мы, Александр Меншиков, римского и российского государства князь, герцог Ижорский, наследный господин Аранибурга и иных, его царского величества всероссийского первый действительный тайный советник, командующий генерал-фальдмаршал войск, генерал-губернатор губернии Санкт-Петербургской и многих провинций его императорского величества, кавалер святого Андрея и Слона, и Белого и Черного орлов и пр., и пр.», – обрушилась опала императора-отрока.

– Довольно властвовать и самовольничать Меншикову, надо положить этому конец! Он слишком много о себе возмечтал и, кажется, про то забыл, что я – император... Надо ему напомнить об этом, – сказал Петр своей сестре Наталье Алексеевне.

– А как же ты, Петруша, поступишь со своей невестой?

– С какой? У меня нет невесты.

– А дочь Меншикова, Мария?

– Она была моей невестой прежде. Когда меня с нею обручали, тогда я находился под опекой у Меншикова; он делал со мною что хотел. А теперь, Наташа, все не то, эту опеку я сбросил со своих плеч... Я ни с кем не хочу разделять свою власть. Я – император, мне Бог вручил эту власть, – с большим воодушевлением проговорил император-отрок.

– Петруша, как ты хорош в своих словах! Ты говоришь совсем как большой, – любуясь на державного брата, с восхищением проговорила великая княжна Наталья Алексеевна.

– А кроме того, я еще силен. Меншиков против меня богатырем смотрит, а я осилил его, – детски-хвастливо проговорил император-отрок. – Однако оставим говорить про это. Меншиковы мне страшно надоели, и я буду очень рад скорее отделаться от них. Дня через два-три их не будет...

VIII

Между тем Меншиков принимал все меры для поддержания ускользавшей от него власти и, чтобы хоть несколько умиротворить государя, послал к нему свою жену и дочерей.

Немало пришлось выждать Дарье Михайловне в петергофском дворце, пока о ней доложили императору. Ее дочери направились на половину великой княжны Натальи Алексеевны.

Холодно принял ее государь и спросил о цели ее прихода.

– Я пришла к вам, государь, за милостью, – со слезами ответила Дарья Михайловна, опускаясь на колена.

– Встаньте, княгиня, и говорите, что вам надо?

– Милости, пощады, государь!

– Вы, княгиня, просите за мужа?

– За него, ваше императорское величество.

– Ваши просьбы напрасны, княгиня. Ваш муж слишком много взял на себя. В своих поступках он совсем забыл, что император российский – я, а не он. Он злоупотреблял доверием покойной императрицы: царствовала не она, а Меншиков. Ему хотелось точно так же властвовать и в мое царствование, но это ему не удастся. Нет, довольно! – громко и с волнением проговорил император-отрок, быстро расхаживая по кабинету.

– Не о власти просит мой муж, ваше величество, а о снисхождении.

– Довольно, он и то не в меру пользовался моим снисхождением... его надо бы предать строгому суду, но я не хочу этого, помня старые заслуги Меншикова.

– Государь, соблаговолите дать нам разрешение уехать в какую-нибудь нашу вотчину.

– Куда вам ехать, вы об этом получите указ.

– Ваше императорское величество, прошу вашей пощады не ради мужа, а ради моих дочерей и сына, ни в чем не повинных перед вашим величеством. Окажите им милость, государь.

– Хорошо, я посмотрю... Оставьте меня, княгиня, я занят.

Но княгиня Дарья Михайловна, громко рыдая, опять опустилась на колени перед государем. Тогда он, не говоря уже более ни слова, вышел из своего кабинета, оставив просительницу.

Бедная княгиня встала с колен и направилась на половину великой княжны Натальи Алексеевны; там она думала встретить своих дочерей. Однако великая княжна, чтобы избежать объяснения с женой и дочерьми Меншикова, не приняла их.

Во дворце никто не разговаривал с женой опального вельможи и с его дочерьми. А давно ли еще все искали расположения княгини Меншиковой, за большую честь почитали, если она говорила с кем-либо? Увы! все миновало; теперь все бежали от нее как от зачумленной.

Дарья Михайловна отправила дочерей домой, а сама направилась в квартиру Остермана, думая там найти сочувствие и помощь, тем более что Остерман многим был обязан Меншикову.

«Помня нашу хлеб-соль и наше расположение, Андрей Иванович, может, замолвит за нас доброе словечко государю, заступится за нас; стану слезно просить его об этом; мои слезы тронут его сердце... ведь человек он, не зверь бесчувственный», – думала удрученная горем княгиня Меншикова, входя к Остерману.

– Знаю, княгиня, знаю, зачем вы пожаловали ко мне, но, к своему крайнему сожалению, ничего для вашего мужа сделать не могу, ничего! – встретил ее хитрый Остерман.

– Батюшка, Андрей Иванович, войди ты в наше горькое положение, помоги ты нам, помоги!

– И рад бы, душевно рад, да не могу, княгинюшка.

– Не говори так, Андрей Иванович, можешь ты, все можешь!.. Государь тебя слушает...

– Не скажите, добрейшая Дарья Михайловна, не скажите. Наш император подчас бывает самонаравен, да, кроме того, его величество слишком огорчен поступками вашего мужа и гневается на него. Я пробовал было просить государя за князя Александра Даниловича.

– Ох, Андрей Иванович, неправду ты говоришь, неправду! Не станешь ты за нас просить, не станешь!

– Княгиня, своими словами вы обижаете меня...

– Прости, если мои слова, Андрей Иванович, тебе обидными показались, и если ты хоть немного жалеешь нас, то помоги нам, Христа ради!.. Земно о том прошу тебя! – И при этих словах бедная Дарья Михайловна опустилась на колени перед Остерманом, который все более и более входил в доверие к государю и был теперь самым приближенным к нему человеком.

– Что это, княгиня? Встаньте, встаньте, что вы!.. Если бы было в моей власти оправдать князя Александра Даниловича или, так сказать, сгладить все его проступки, то я сделал бы это и без ваших поклонов. Но, повторяю, я, к сожалению, ничего не могу сделать для него, ничего, – холодно проговорил Остерман. – Простите меня, мне недосуг. Я спешу в верховный совет... меня ожидают, – добавил он, стараясь освободить из рук Меншиковой свой расшитый золотом кафтан.

– Так не можешь, не можешь? – вставая с колен, переспросила Дарья Михайловна. – Ну и не надо... не надо!.. Я унижалась перед тобою, Андрей Иванович, со слезами умоляла, но ничто не тронуло тебя. Смотри, Андрей Иванович, ведь судьба переменчива, может быть, и ты узнаешь свой черный день, и над тобой напасть разразится, как разразилась она над нами...

Ты смеешься теперь над нашей бедой, так посмеются другие над твоей бедой... Прощай! – И княгиня Меншикова не спеша оставила кабинет Остермана.

«Фу! Что она тут наговорила? Про какой-то «черный день», про какую-то беду намекала... пугала какой-то напастью... Вот вздорная баба!.. Заступаться за Меншикова! Слуга покорный... Я не спеша, а мало-помалу займу его место и буду таким же министром, каким был Меншиков. Повластвовал он, и довольно, теперь моя очередь!» – рассуждал сам с собою Остерман.

Когда карета княгини Дарьи Михайловны отъехала от подъезда дворца, государь отдал приказ наложить на Меншикова домашний арест и поручил выполнить это генерал-лейтенанту Салтыкову.

– Меншиков много, много зла наделал моему бедному отцу, и я не могу забыть это, – сказал он. – Я не могу терпеть человека, который был злодеем моему отцу и моей бабке, государыне Евдокии Федоровне. Кстати, Андрей Иванович, скоро ли мы в Москву поедем? – спросил у Остермана император-отрок.

– Это зависит, государь, от ваших приказаний, как вы повелеть изволите.

– Питер мне надоел, я хочу в Москву. В Москве лучше. Не правда ли, Ваня? – обратился государь к своему любимцу, князю Ивану Долгорукову.

– Где вам хорошо, там и мне не плохо, государь.

– Спасибо, Ваня, спасибо!.. Знаю, любишь ты меня, предан мне. А Андрей Иванович тебя не любит.

– Государь, когда же я... – меняясь в лице, пробормотал Остерман.

– Да, да, ты не любишь Ваню; говоришь, что он отвлекает меня от занятий науками... Ведь говорил?

– Я... я к князю Ивану Алексеевичу душевную привязанность имею...

– Ну хорошо, Андрей Иванович, хорошо, я пошутил... Так ты говоришь, нам скоро можно и в Москву ехать? – меняя разговор, спросил у Остермана государь.

– Можно, государь, дней через пять-шесть.

– И отлично! Вот мы спровадим из Питера Меншикова, а сами в Москву поедем. Я люблю Москву, очень люблю! А знаете почему? Потому что, говорят, Москву любил мой отец... И Наташа любит. А ты, Ваня, любишь ли Москву? Да? У твоего отца, кажется, под Москвой большая усадьба есть?

– Есть, государь. Горенки прозывается.

– И охотиться, Ваня, можно?

– Как же, наши леса изобилуют дичью. В них даже попадается и красный зверь.

– Побываем, непременно побываем и в усадьбе у твоего отца и поохотимся там вволю. Что ты морщишься, Андрей Иванович? Уж как ты хочешь, а охотиться я буду. Говорят, прадед мой, покойный царь Алексей Михайлович, любил охотиться под Москвой, и лес там такой есть, Сокольниками прозывается, в котором он любил охотиться... Так я говорю, Ваня?

– Так, государь.

– А ты, Андрей Иванович, бабушке моей, царице-инокине, послал ли письмо с известием, что Меншиков уже больше не правитель, не регент и что ему не миновать ссылки?

– Как же, по твоему приказу, государь, вчера с нарочным в Москву, в Новодевичий монастырь послал...

– Меншиков по своему деянию заслужил смертную казнь, но я помилую его. Пусть живет... я против казни. Можно наказывать преступников, послать в Сибирь, а жизнь отнимать у них не надо – жизнь нам дана Богом, ею и распоряжаться может только Бог! Я вот подрасту, возмужаю и непременно отменю казнь. Я и теперь сделал бы это, да некоторые члены верховного совета отстаивают казнь, да и Андрей Иванович говорит, что преступников надо казнить в пример другим, – произнес император-отрок.

– Надо карать преступление, государь, иначе преступников разведется такое множество, что с ними слада не будет, – внушительно промолвил Остерман.

– Разумеется, наказывать надо, но только не смертью. Недавно князь Иван дал мне хороший урок... Хотите, расскажу?

– Пожалуйста, ваше величество, – с низким поклоном проговорил Остерман.

– Я спешил куда-то ехать. Мне подсунили подписать смертный приговор. Я взял перо и не читая хотел уже подписать его. А князь Иван подошел ко мне и больно ущипнул – так больно, что я вскрикнул от боли. Только что хотел я разразиться гневом, а князь Иван и говорит мне: «Вот, государь, тебе больно от того, что я ущипнул тебя, а каково тому несчастному, у которого безвинно хотят голову срубить? И ты, государь, прежде чем подписывать, прочитай бы». Я внимательно прочитал приговор и нашел обреченного на смертную казнь невиновным. Приговор я разорвал, а князя Ивана крепко обнял и расцеловал... А где же он? Где Ваня? – оглядываясь, проговорил император-отрок. – Князь Иван не может слушать, когда его хвалят, всегда уйдет... Наверное, он в парке. Пойти к нему, – добавил государь и поспешно вышел.

IX

И на самом деле, во время рассказа Петра князь Иван Долгоруков незаметно вышел.

Дом-дворец князя Меншикова стал вдруг не тот, каким он был прежде. Печально, мрачно было там; почетные караулы в доме и около дома были сняты; у его подъезда не виднелось верениц экипажей; на лестнице и в передней не было лакеев в напудренных париках и в ливреях, расшитых золотом. А еще так недавно в передней у Меншикова ждали своей очереди вельможи и сановники. Куда все вдруг подевалось – могущество, слава, блеск, величие?

И над домом, и над самим хозяином разразилась государева опала.

Меншиков, покинутый, забытый всеми, мрачно наклонив голову, ходил по опустелым комнатам своего дома-дворца.

Указ императора-отрока от 8 сентября 1727 года поверг в большое горе Александра Даниловича. Он был такого содержания:

«Понеже Мы всемилостивейше намерение взяли от сего времени Сами в верховном тайном совете присутствовать, всем указам отправленным быть за подписанием собственныя Нашея руки и верховного тайного совета, того ради повелели, дабы никаких указов или писем, о каких бы делах оныя были, которые от князя Меншикова или от кого бы иначе партикулярно писаны или отправлены будут, и по оным отнюдь не исполнять под опасением Нашего гнева; и о сем публиковать всенародно во всем государстве и в войске».

Горькие слезы потекли из глаз Меншикова, когда ему дали прочитать этот указ.

– Батюшка, Александр Данилович, о чем же ты плачешь? Ведь не все еще потеряно. Власть ты потерял и могущество. Так Бог с нею, и с властью!.. Уедем хоть в нашу подмосковную вотчину и станем там жить спокойно, – утешая мужа, сказала княгиня Дарья Михайловна.

– Нет, нет... Меня сошлют в далекую усадьбу.

– Что же, и там люди живут, и мы будем жить.

– А дочери? А сын?

– И их возьмем; и они с нами жить будут.

– В глуши, в опале? Разве они привыкли к такой жизни?

– Не привыкли, так привыкнут. Эх, Александр Данилович, друг ты мой сердечный! У наших деток жизнь только еще начинается, надо им ко всему привыкать. Ведь жизнь-то переменчива, на себе ты это видишь.

– Ну, я виновен, и гневайся на меня, и казни меня, а зачем же детей трогать, тебя? Ведь вы-то ни в чем не виновны. Машу жалко: бедная, несчастная... Обрученной невестой была,

с государем кольцом обручальным обменялась... Из невест-то царских да в ссылку! Легко ли ей, сердечной? – чуть не с рыданием проговорил Меншиков.

– Что говорить, легко ли? А и то молвить, Данилыч, на все Божья воля... На все свой предел положен человеку. За детей бояться нечего: их Бог не оставит, потому что не виноваты они! – утешала Дарья Михайловна своего упавшего духом мужа.

А сама она? Что чувствовала, что переживала, что испытывала она, когда беды одна за другой обрушивались на ее мужа и на ее детей?

Вошел секретарь Меншикова Зюзин и доложил:

– Ваша светлость, генерал Салтыков от великого государя прибыть изволил.

Меншиков изменился в лице.

– Просить! – задыхающимся голосом проговорил он.

Спесиво, надменно вошел Салтыков и, слегка кивнув головою Меншикову, громко сказал:

– По указу его величества, государя императора, вам, князь, объявляется домашний арест.

– Как? Меня... меня под арест? За что, за какие преступления? – простонал Меншиков.

– За что? Вам это представят по пунктам. Вы теперь должны, князь, никуда ни выезжать, ни выходить. К дверям и к воротам поставлен будет караул.

– Боже, Боже! До чего я дожил! Меня, первого министра в государстве, генералиссимуса русских войск, под арест! – с отчаянием воскликнул Александр Данилович, схватившись за голову и падая в кресло.

Дарья Михайловна с плачем кинулась к мужу, а Салтыков, холодно посмотрев на рухнувшего колосса, вышел.

Князь Меншиков написал было государю письмо, в котором умолял о прощении и просил дозволения уехать вместе с семейством на Украину, но, как бы в ответ на это, ему сообщили, что он лишается дворянства, чинов и орденов; а у его дочери Марии, у бывшей царской невесты, отобрали придворную прислугу и экипажи.

Одиннадцатого сентября Меншикову было приказано со всем семейством ехать немедля в ссылку, в Раненбург Рязанской губернии.

Наступил день отъезда Меншикова. Около его великолепного дома с раннего утра толпились тысячи народа, так что сто двадцать верховых гвардейцев, назначенных сопровождать Меншикова, едва могли сдерживать толпу. Всем интересно было взглянуть, как поедет в ссылку еще так недавно могущественный, полудержавный властелин, а теперь опальный Меншиков.

Ворота дома Меншикова были растворены; весь двор запружен был каретами и повозками, которых по счету было сорок две; кареты предназначались для Меншикова и его семьи, а повозки – для его многочисленного штата и прислуги. После долгого ожидания на подъезде своего дома появился Меншиков. Он был бледен и едва переступал ногами; за ним шла его жена с опухшими от слез глазами.

Меншиков молча, понуря голову, сел в карету, а княгиня села в нее лишь после того, как несколько раз покрестилась и поклонилась народу.

Во второй карете поехал сын Меншикова Александр, в третьей – бывшая невеста императора-отрока, злополучная княжна Мария; лицо у нее было закрыто густым вуалем; с нею села младшая сестра, красавица Александра; она, бедная, горько плакала.

В других каретах и повозках ехали родственники Меншикова и его приближенные, решившиеся разделить с ним ссылку.

Одежда как на Меншикове, так и на сопровождавших его была траурная.

Длинный кортеж опального вельможи двинулся вдоль по набережной. Отряд гвардейцев под начальством капитана окружил карету Меншикова с саблями наголо.

Собравшийся народ хранил глубокое молчание; он не выказывал к опале Меншикова ни радости, ни печали.

Когда кареты выехали за заставу и отъехали несколько верст, их догнал придворный офицер и отобрал у Меншикова все находившиеся при нем иностранные ордена; русские были отобраны у Меншикова еще в Петербурге.

Близ Твери на Александра Даниловича и на его семейство обрушилась новая большая беда. Едва только Меншиков расположился на ночлег в деревеньке, находящейся близ города, дверь в избу быстро отворилась и на пороге появился находившийся в свите императора-отрока гвардеец-офицер Левушка Храпунов.

– Простите, князь, я помешал вам? – тихо проговорил Левушка, обращаясь к Меншикову.

– Не называй, господин офицер, меня князем... Перед тобой не князь, а ссыльный.

– Я прислан к вам с неприятной для вас новостью. Я имею указ пересадить вас из ваших карет в простые, на которых вы поедете до места ссылки.

– Моих врагов и моя ссылка не успокоила!.. Измышляют они мне беду за бедой. Я их не презираю, а сожалею, – задумчиво проговорил Меншиков.

– На меня не гневайтесь! Я тут ни при чем, так как лишь исполняю свой долг.

– Я на тебя, господин офицер, не претендую, ты – только исполнитель воли других. Об одном молю я Господа Бога, чтобы у меня, а также у моей бедной, невинной семьи хватило терпения перенести это тяжелое испытание. Если и скорблю я, то не за себя, а за детей несчастных, за жену.

– Простите, князь, я сочувствую вам... мне и вас жаль, и вашу семью.

– Как? Вы меня жалеете? – с удивлением спросил Храпунова Александр Данилович. – И забыли про то зло, какое я причинил вам, будучи всесильным человеком в государстве?

– Давно забыл, об этом я уже недавно сказал вам.

– Спасибо! Если не брезгуешь мною, немощным, опальным стариком, то дозвожь мне обнять тебя! – И Меншиков крепко обнял Храпунова.

Из Твери опальных Меншиковых повезли уже в Раненбург не в каретах, а в простых телегах.

Но враги Меншикова не успокоились его ссылкой. Этого им было мало. Раненбург хоть и не близок от Петербурга, а все же из него скорее можно вернуться, чем из Сибири. И вот про Меншикова стали распространять разные небылицы.

В Петербурге, по словам историка, были подняты различные обвинения против него, отчасти справедливые, отчасти измышленные злобою. Рассказывали, что он сносился с прусским двором и просил десять миллионов взаймы, обещая отдать вдвое. Уверяли, что, пользуясь своим могуществом, он, с честолюбивыми целями захвата верховной власти, хотел удалить гвардейских офицеров и заменить их своими любимцами. Толковали, что он от имени покойной императрицы составил фальшивое завещание. Ставили ему в вину, что он ограбил своего малолетнего государя и, заведя монетным двором, приказывал выпускать плохого достоинства деньги, обращая в свою пользу не включенную в них долю чистого металла. Припомнили и прежние его грехи, как, пользуясь доверием Петра Великого, он обкрадывал казну и этим нажил несметное богатство. Говорили, что вещи, которые он взял с собою, стоили, по мнению одних, пять миллионов, по мнению других – двадцать. Обвиняли Меншикова в недавних тайных сношениях со Швецией в ущерб интересам России; еще при жизни императрицы Екатерины I он будто бы писал к шведскому сенатору Дикеру, что у него в руках военная сила и он не допустит ни до чего вредного для Швеции.

Все эти рассказы, отчасти правдивые, отчасти вымышленные, все более и более вооружали против Меншикова императора-отрока, а также и верховный тайный совет, так что

последний послал в Раненбург к опальному вельможе сто двадцать вопросных пунктов, обвинявших его.

Меншиков сколько мог оправдывался против предъявленных ему обвинений. Но окончательно повредило ему подметное письмо, которое нашли в Москве, у Спасских ворот, в марте 1728 года; оно содержало в себе защиту и оправдание Меншикова, а вследствие этого было признано, что оно составлено именно им самим, «прибегавшим таким образом к средствам непозволительным для своего спасения».

Тогда верховный тайный совет постановил конфисковать все достояние опального вельможи, тем более что тогда из разных канцелярий начали поступать требования о возвращении денег и материалов, незаконно захваченных Меншиковым.

За все это Меншикова и все его семейство постановили отправить в Сибирь, в отдаленный пустынный Березов.

Все отобрали у некогда полудержавного властелина, и было приказано выдавать ему с семьей и со слугами по шести рублей в день «кормовых денег».

Свояченицу Меншикова Варвару Арсеньеву было приказано постричь в женском Сорском монастыре.

По словам историков, у Меншикова было отобрадено «десять тысяч душ крестьян и города: Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, два города в Малороссии – Почеп и Батурин – и капитала тринадцать миллионов рублей, из которых девять миллионов находились на хранении в иностранных банках, да сверх того на миллион всякой движимости и бриллиантов; одной золотой и серебряной посуды у Меншикова конфисковано более двухсот пудов».

Приказ ехать в Березов был новым и неожиданным ударом для опальных Меншиковых.

Особенно тяжело подействовало это на злополучную княжну Марию, бывшую государеву невесту; она долго рыдала и билась в истерике.

Отчаяние дочери повергло в скорбь самого Меншикова и его жену. Добрая княгиня теперь стала неузнаваема: она так похудела и осунулась, что смотрела дряхлой старухой; ее глаза от постоянных слез начали слепнуть.

– Маша, милая, простишь ли ты меня, голубка, простишь ли своего несчастного отца? – с глазами, полными слез, сказал Александр Данилович дочери, когда она несколько поуспокоилась и перестала плакать.

– Мне не в чем прощать вас, вы ни в чем не виновны предо мною, – тихо ответила отцу злополучная Мария.

– Как не виновен? Ведь все твое несчастье, все твое горе через меня!.. У тебя был жених, любимый граф Сапега, а я отнял его у тебя и женил на другой... Князь Федор был мил твоему сердцу – я и его отнял. Властолюбие и тщеславие не давали мне покоя. В своей гордыне я возмечтал о многом; Александра хотел женить на царевне Елизавете, а тебя выдать за малолетнего государя. Но правосудный Бог смирил меня и мою гордыню и по делам воздал мне. А ты, Маша, твоя сестра, брат и бедная мать, за что вы несете горе и несчастье? И вот вам предстоит еще большее испытание. Вы поедете со мной в далекую снеговую Сибирь. Где же справедливость моих судей, моих недругов? Я виновен – и казни меня, а вас, неповинных, за что же, за что? – чуть не с отчаянием промолвил Меншиков.

– Батюшка, перестанем говорить об этом! Вам больно вспоминать.

– А ты, дочка, милая, дай ответ, простила ли старика отца.

– Да могу ли я судить ваши деяния? Вы – отец, воля надо мною – ваша. Ни роптать, ни гневаться на вас я не вправе, – ласково проговорила княжна Мария, целуя у отца руку. – Мне жаль вас, батюшка. Вы привыкли к величию, к славе!

– Обо всем прошлом величии, для меня навсегда потерянном, я давно забыл. Скажу тебе, Маша: я был рабом своих страстей, а теперь несчастье и горе научили меня быть другим человеком. Раскаянием и молитвою надеюсь я искупить свои грехи, свое заблуждение. Своим

врагам я давно простил. Сознаюсь, может быть, многим я причинил зло, но так же немало и вывел в люди из нищеты и убожества. Но все меня забыли, все покинули.

– Милый, дорогой отец, станем молиться, чтобы Бог не забыл нас. Пусть люди забудут, а помнил бы Бог. Теперь я спокойна, покоряюсь своей участи и готова ехать с вами хоть на край света, – твердо проговорила бывшая царская невеста.

Меншиков выехал из своего Раненбурга в рогожной кибитке, а в двух телегах, сопровождавших его, ехали преданные ему дворовые, решившиеся не оставлять своего господина и до дна испытать с ним чашу несчастья.

По указу верховного совета капитан Мельгунов отнял у Меншикова все парадное платье, и павшего временщика одели в сермягу и простой тулуп, а его голову прикрыли бараньей шапкой. Такую же простую одежду приказали надеть Дарье Михайловне, ее дочерям и сыну и в таком виде повезли их в далекую Сибирь.

Немало неприятностей пришлось опальным Меншиковым вытерпеть и перенести в дороге. Капитан отряда Мельгунов, который сопровождал их, обращался с Меншиковым и с его семьей более чем жестоко. Так, едва только они отъехали от Раненбурга, Мельгунов приказал выбросить все «лишние вещи», которые Меншиковы захватили с собой в дорогу, причем считал за ненужные вещи две-три пары платья мужского и женского, несколько туалетных вещей, взятых дочерьми Меншикова, рисовальный и письменный прибор сына Меншикова и так далее.

Дочери Меншикова горько плакали, глядя, как солдаты с различными прибаутками и насмешками развертывали и бросали их белье, платья, платки и прочие вещи.

– Послушай, господин капитан, зачем ты делаешь это? – с тяжелым вздохом спросил у Мельгунова Меншиков.

– А затем, что на это имею приказ, – грубо ответил Мельгунов.

– Те, кто приказывал тебе так поступать, – люди без сердца, и ты, видно, хочешь быть подобен им.

Мельгунов не нашелся что ответить и велел своим солдатам собрать разбросанные по дороге вещи и уложить обратно в повозки. Видно, и у этого черствого человека заговорило чувство жалости к несчастным Меншиковым.

По городам, селам и деревням народ густыми толпами выходил смотреть, как везут в Сибирь опального вельможу и его семью; некоторые посылали им вслед бранные слова и угрозы, а некоторые жалели их.

Меншикова и его детей ждало другое тяжелое испытание.

Дарья Михайловна, всю дорогу не перестававшая горько плакать, от постоянных слез ослепла и сильно захворала. Не доезжая нескольких верст до Казани, в селе Верхний Услон Меншиков остановился на несколько дней в простой крестьянской избе, так как продолжать путь было невозможно: страдальца Дарья Михайловна умирала.

До последнего дыхания она находилась в памяти, лежа на скамье, накрытой дубленным тулупом. Ее окружали сам Меншиков, дочери и сын; они едва сдерживали душившие их рыдания.

– Данилыч, ты здесь? – слабо спросила умирающая.

– Здесь, здесь, Дарьюшка.

– Умираю я, Данилыч, прости, если чем провинилась.

– Тебе ли у меня прощения просить, Дарьюшка? Мне нужно прощения у тебя молить.

– Я давно, давно простила тебя. А дочки и сынок здесь, около меня?

– Все около тебя, Дарьюшка.

– Вот и хорошо. При вас душа моя будет расставаться с телом. Только жаль: ни тебя, Данилыч, ни дочек своих и сынка я не вижу. Взглянула бы я на них в последний разок. Машенька, подойди, я благословлю тебя, а там благословлю и тебя, Сашенька, и тебя, сынок,

благословлю в последний раз. Обо мне не плачьте, детки, и ты, Данилыч, не плачь... Помучилась я, пострадала, пора на покой... К Богу иду... на Его правый суд, – слабым голосом говорила умирающая княгиня. – И там, у Бога, за вас, детки, и за тебя, Александр Данилыч, молиться я буду.

Голос умирающей все слабел и слабел.

– Не покидай, не оставляй нас сиротами! – с громким рыданием воскликнул Меншиков, опускаясь на колени перед умирающей женой.

– Божья воля, Данилыч!.. Встань, детей береги... И вы, детки милые, отца берегите, почитайте... Господь вас не оставит... Прощайте... Молитесь!..

Замолкла навсегда бедная Дарья Михайловна. Кончина ее была тихая. Это произошло 10 мая 1728 года.

Меншиков своими руками сколотил из досок гроб для своей Дарьюшки, с которой прожил не один десяток лет душа в душу. Вместе с дочерьми и сыном он снес гроб в церковь, где старенький священник наскоро отпел рабу Божию новопреставленную Дарью.

На сельском погосте нашла себе вечное успокоение княгиня Дарья Михайловна Меншикова. В убожестве и нищете ей было суждено окончить свои дни.

Меншикова и его детей чуть не силой оттащили от дорогой их сердцу могилы.

После долгого и утомительного пути Меншиков с детьми прибыл в город Березов. С опальным вельможей было несколько слуг, которые и в изгнании решились не оставлять своего господина. Меншиков сам, своими руками построил для себя и для детей жилище и около своего домика небольшую деревянную церковку. Родом из крестьян, возведенный мощною рукою великого Петра на первую ступень в государстве, он в своем падении не упал духом, а с примерной твердостью переносил тяжелую опалу.

Часть вторая

I

Было летнее солнечное утро, тихое; в Новодевичьем монастыре благовестили к обедне.

К святым воротам монастыря подъехала щегольская карета с гербами, запряженная в четыре лошади, с двумя гайдуками в парадных ливреях; они быстро соскочили с запяток, отворили дверцу, и из нее выпорхнула богато одетая молоденькая, хорошенькая девушка.

Старушка-монахиня, сидевшая в святых воротах, встала и, низко поклонившись приехавшей, проговорила:

– С миром взыди в обитель нашу.

– Можно ли мне видеть царицу-матушку? – спросила у монахини приехавшая девушка.

– Пообождайте тебе, госпожа милостивая, придется... государыня-матушка только что изволила в церковь пройти к обедне.

– Что же, я подожду... сама пойду в церковь.

– Рано еще, госпожа, только к часам ударили. Погуляй по монастырю, а то в наш садочек пройди. Тихо у нас, хорошо! А дозволю спросить, госпожа, кто ты будешь? – с любопытством поглядывая на красивую молодую девушку, спросила монахиня.

– Шереметева я, Наталья Борисовна.

– Не дочка ли будешь покойному графу Борису Петровичу Шереметеву?

– Да... я – его дочь, – скромно ответила Наталья Борисовна.

– Голубушка, графинюшка!.. Наконец Господь мне радость послал тебя увидеть!.. Ведь твой покойный родитель благодетелем нашим был. Вишь, крепостная я его была, а граф на волю весь наш дом отпустил... И знаешь ли за что? Твой батюшка поохотиться поехал в лес, а мой большак брат Семен в дворовых охотниках служил. Вот на охоте большой медведь и подмял под себя твоего батюшку, а Семен вовремя успел и пристрелил медведя. Вот покойный граф за это и на волю отпустил.

– Батюшка-покойник правильно поступил: за большую услугу и награда большая. А скажи, матушка, как звать тебя, – спросила у монахини графиня Наталья Борисовна, – да мне свою келейку укажи: я от матушки-царицы и к тебе зайду.

– Под колокольней моя келейка... Зайди, графинюшка, осчастливь меня. А зовут меня Гликерией. Да глянь-ка, глянь, графинюшка: кажись, царицу-то ведут из церкви... так и есть! – поспешно проговорила Гликерия, показывая на столпившийся около церковной паперти народ.

С паперти сходила вдова-царица Евдокия Федоровна, из рода Лопухиных, против воли постриженная в монахини по приказу императора Петра Великого. Ее с почетом вели монахини.

– Что-то государыня-матушка рано из церкви вышла, видно, ей нездоровилось, – тихо проговорила монахиня Гликерия.

– Я вот сейчас подойду к царице-матушке, – проговорила графиня Шереметева, а затем торопливо пошла навстречу царице и при ее приближении поклонилась ей до земли. – Благослови, государыня-матушка!

– Бог благословит. Встань!.. Пред единым Богом преклоняйся, – властным голосом проговорила бывшая супруга великого Петра.

– В обитель, царица-матушка, я нарочно приехала, чтобы повидать и поклониться твоему величию.

– Какое может быть величие инокини? Чья ты? Как звать тебя?

– Я – дочь Бориса Петровича Шереметева.

– Дочь Бориса Шереметева? Знала я твоего отца, знавала!.. Верным слугою, говорят, он был моему покойному мужу Петру, в графы его государь произвел. А тебя как звать?

– Натальей, государыня-матушка.

– Зайди ко мне в келью, поговорим. Хоть и нездоровилось мне, потому и рано ушла из церкви, а все же я рада тебе, графиня Наталья...

– Земной поклон, матушка-царица, тебе за ласку! – И графиня Наталья Борисовна, до земли поклонившись царственной инокине, пошла за нею в келью.

Только недавно вернулась царица-инокиня в Москву из заточения.

В Новодевичьем монастыре для нее отведены были самые лучшие кельи, ей воздавали царские почести и называли теперь не старицей Еленой, а великой государыней Евдокией Федоровной.

Немало горя и несчастья перенесла царица Евдокия, в иночестве Елена. Она росла и развивалась в терему; ее отец, боярин Лопухин, и мать были людьми старого закала, придерживались старины и косо смотрели на разные новшества, которые со времен царя Алексея Михайловича стали «из неметчины» проникать в Россию. Красива была Евдокия Лопухина: статная, полная, белая, с румянцем во всю щеку, с ясным взором, с соболиными бровями, с косами чуть не до пят, так что все сулили ей большое счастье и знатного жениха. И действительно, вдова царя Алексея Михайловича Наталья Кирилловна выбрала красавицу Дуню в жены своему державному сыну Петру.

Крепко, сердечно полюбила Евдокия Федоровна своего мужа царя, этого чудо-богатыря! В первое время и он был нежен и предупредителен с красавицей женой. Но это продолжалось недолго: вскоре он стал по целым неделям, месяцам оставлять ее скучать в одиночестве, отчасти будучи занят делами правления и задуманными им реформами, а отчасти под влиянием своего увлечения Анной Монс, с которой он познакомился в Кукуй-слободе.

Скучала царица Евдокия Федоровна. Но вот ей на радость и на утеху родился сын; Алешенькой его называли в честь почившего деда, царя Алексея Михайловича. Стал он расти, но не затихла скука в сердце его матери; нет, рядом с нею стала развиваться и ревность.

«Не любит меня царь-муж, не любит; видно, краше да милее себе нашел, а я не нужна ему стала. По месяцу и больше в глаза не вижу Петра. Разлюбил он, разлюбил. А я ли его не любила, я ли не голубила? И вот плата за мою любовь, за мою ласку. Ему новшества разные нужны да диковинка заморская, а не жена», – думала молодая царица.

Со слезами встречала она супруга и упрекала его за частые отлучки. Хмурился Петр, слушая упреки жены; не по нраву ему это было; он совсем охладел к Евдокии Федоровне и опять покинул ее.

Напрасно останавливали Петра царица-мать и молодая жена.

– Не к тому я призван, государыня-матушка, чтобы дома сидеть сложа руки: меня ждет большая работа, большая ломка. Прости и благослови сына на великий труд! – прощаясь с матерью, проговорил Петр, а к своей молодой жене обратился с такими словами: – Ни слезами, ни попреками меня ты не остановишь, а только озлобишь больше.

Проходили недели, месяцы, а царь Петр все был в отлучке. Слезливыми письмами звали царица-мать и молодая жена; Наталья Кирилловна настоятельно требовала его возвращения, а Евдокия Федоровна умильно присоединяла и свои просьбы.

«Государю моему радости, царю Петру Алексеевичу, – писала молодая царица. – Здравствуй, свет мой, на множество лет! Просим милости, пожалуй, государь, буди к нам не замешкав. А я при милости матушкиной жива, женушка твоя Дунька челом бьет».

А тут шепнули царице Евдокии Федоровне, что у царя Петра на стороне есть другая жена, «немка Монсиха», и невенчанная, и это разожгло ревность в сердце молодой царицы.

Когда приехал Петр, она встретила его с большими упреками и большими слезами. Произошла ссора, и следствием этого было то, что Евдокия Федоровна угодила в монастырь, была

насилно пострижена и стала не царицею московской, а монахиней Еленой. Вместо пышных царских хором очутилась она в убогой келье, одинокая, всеми забытая, всеми оставленная.

Тяжко ей было от этой жизни. Прежде времени состарилась Евдокия Федоровна. Потускнели у нее очи, пропал румянец с лица, щеки ввалились и ее красивые волосы сединой покрылись. И стала она думать о мести царю-гиганту.

Подрос царевич Алексей и стал бывать у матери в монастыре. Мать стала вооружать его против отца, но это повело лишь к гибели несчастного царевича Алексея. Погиб лютой смертью и красавец генерал Степан Глебов, к которому была равнодушна царица, а ее самое под строгим караулом отправили в Ладогу, в Успенский монастырь. Тут она и прожила немало лет в тесной келье, под бдительным присмотром до дня кончины императора Петра Великого. С воцарением императрицы Екатерины I бывшую царицу перевезли в Шлиссельбург, а оттуда – в Москву, в Новодевичий монастырь.

Войдя в свою келью, царица-инокиня переделалась и, усаживаясь в кресло, обратилась к своей юной гостье:

– Так ты – дочь боярина, то бишь графа Бориса Петровича Шереметева? Мой покойный царь-муж русских прирожденных бояр в немецкие графы производил. Любил покойник неметчину и чуть всей Руси в неметчину не повернул! – взволнованно добавила она и, показывая графине Наталье место на стуле, рядом с собою, предложила ей: – Садись!.. В ногах правды нет!

– Смею ли я, царица-матушка, сидеть перед тобою?

– Какая я царица? Монахиня смиренная я, а не царица. Точно, была и я царицей, только это давным-давно прошло. Все прошло, все рушилось... Ну, поведай мне, Натальюшка, что нового? Правду ли говорят, что мой внучек-царь Меншикова отправил в ссылку?

– Правда, государыня-матушка, правда, князь Меншиков в государеву опалу попал.

– И ништо, ништо ему. Еще лютой казни следовало бы его предать. Злодей он мне и сынку моему злополучному. Немало этот Меншиков злобы да несчастья принес. О Господи, прости, помилуй!.. Словами своими я грех совершила! Грешница я, грешница!.. Да уж больно много и выстрадала, много лютого горя перенесла, оттого и сердце мое стало такое злобное! Значит, Меншикова постигла кара Господня? О его падении недавно писал мне Остерман. Да плохо я ему верю: подлиза он, льстец, хитрый немец. Крепко боюсь я, что он и внука моего, Петрушеньку, испортил... Вот еще Долгоруковых я, грешница, недолюбиваю! А говорят, князь Иван днюет и ночует у государя... Государь молоденок, привязчив, глядишь – живо всего послушается, что вороги его из корысти для себя ему посоветуют. А долго ли тут до греха? Вот и болит мое сердце, как бы Петрушеньку не испортили!.. Кто их знает, что людишки, близ него, молоденького, несмышленного стоящие, задумали. Совсем не знаю я князя Ивана... Может, ты, графинюшка, знаешь его?

– Как же, государыня-матушка, знаю, – вся вспыхнув и опуская свою хорошенькую головку, тихо ответила Наталья Борисовна.

– Да ты что? С чего что зорька алая вспыхнула и головушку свою опустила? Видно, любила князя Ивана? Так, что ли?

– Матушка-царица... Я за тем и в обитель приехала, чтобы видеть твои пресветлые очи и, если удастся, испросить твоего благословения на новую жизнь. Князь Иван Алексеевич просит моего согласия с ним под честный венец идти. В Питере я была, там и увидел меня князь Иван. Из Питера он и письмо прислал, просит моего согласия. Скоро он с великим государем в Москву прибудет... В письме-то еще такая приписка есть: «Хотелось бы мне приехать к тебе в палаты не чужим человеком, а твоим женихом».

– Да мне-то что до этого? С чего ты вздумала моего совета просить?

– А вот с чего, матушка-государыня! Ты – святая старица, много горя перенесла и разного несчастья вытерпела, изведала жизнь. Вот Бог и надоумил меня просить твоего совета и последовать мудрым словам твоим. Еще, матушка-царица, ты изволила сказать, что государь

привязался к князю Ивану. Правда это... А ведомо ли тебе, что князь Иван ведет жизнь бесшабашную, разгульную?

– Слышала про то, слышала, вот и боюсь, чтобы мой внук-государь не научился дурным примерам от князя Ивана. Ведь дурное скорее перенимается, чем хорошее.

– А я-то, матушка-царица, на что? Став женою князя Ивана, я постараюсь отстранить его от всего дурного... Сердце у него доброе, хорошее; его скоро можно вразумить и от разгула отучить.

– Помоги тебе Господь в этом, Натальюшка! За твое благое намерение и тебе благо будет.

– Так ты, матушка-государыня, соизволяешь на мой брак с князем Иваном? – радостно спросила Наталья Борисовна.

– Ты, Натальюшка, с первого взгляда пришлась мне по нраву. Чистое у тебя сердце, хорошее. Я рада твоей судьбе, твоему счастью, только смотри – прочно ли то счастье будет? Я так же, как вот ты, радовалась безмерному счастью, когда выходила за царя Петра замуж, думала, счастью тому конца не будет, а оно пронеслось как миг единый. Прости пока, устала я, пойду прилягу. А за князя Ивана выходи. Приедет он в Москву, я с ним сама поговорю.

Счастливой и довольной вернулась молодая графиня Шереметева на Воздвиженку, в свои роскошные палаты.

II

В пятнадцати верстах от Москвы живописно раскинулась большая усадьба Горенки, принадлежавшая князю Алексею Григорьевичу Долгорукову.

Княжеские палаты были удобны и поместительны. Каменная лестница и дверь с железными затворами вели в большие сени, в которых находилось несколько стеклянных фонарей. В приемных покоях стояли лавки и стулья, обитые цветными сукнами и кожей; тут же находились и столы, липовые и дубовые, резные, круглые и четырехугольные; некоторые были обиты кожей, а некоторые покрыты цветными скатертями. На стенах, покрытых обоями вишневого камки или камчатными зелеными, местами были прибиты ковры; в каждой горнице находились образа в дорогих окладах; в парадной горнице висел портрет Петра I, писанный на полотне, в золоченой раме; в той же горнице находились большие стенные часы и орган; на дверях и на окнах – суконные красные драпировки.

Более тщательно была убрана горница, предназначавшаяся для приезда государя Петра II; здесь меблировку составляли большие кресла, обитые вишневым бархатом и отделанные золотыми и серебряными галунами; резные столы и стулья, дубовый резной шкаф, круглый поставец, роскошная резная кровать с позолоченным верхом, с зеленою тафтяною завесью, пуховая перина и такие же подушки с камчатным одеялом; на стенах, обитых китайскими обоями, висело разного рода оружие: пицали, ружья, винтовки, пистолеты, алебарды на дверях, пики и проч.; на столах красовались разные вещи – «китайский черный шкатул», кругленькие черепаховые, оправленные серебром коробочки с благовонными свечами, дубовая «холмогорская скрыня» с выдвигаемыми ящиками, китайский умывальный ларчик с шуйским мылом и много других безделушек.

Налево от княжеского дома были расположены избы для дворовой прислуги, далее шла березовая роща с псарным двором. Конюшни были переполнены породистыми лошадьми, а в каретных сараях находились всевозможные экипажи.

Подвалы и погреба в Горенках были переполнены разными заморскими винами, русскими настойками, различными медами и квасами, а также и всевозможной провизией.

Широко, тепло и сыто жилось в этой подмосковной усадьбе Долгорукова. Однако сам он и его сын Иван безотлучно находились при юном государе, а в Горенках находилась княгиня Прасковья Юрьевна с дочерьми Екатериной и Еленой. Князь Алексей, ослепленный често-

любием, руководимый только счастливою звездой, которая поставила его, с падением Меншикова, вдруг так близко к государю, думал только о том, как бы не пропустить времени, пока светит еще звезда. Не зная предела своему честолюбию, он, подобно Меншикову, возымел непереносимое желание выдать свою дочь Екатерину за императора-отрока, забыв об участи несчастного Меншикова и его дочери Марии.

Однажды в теплый майский вечер князь Алексей Григорьевич неожиданно прибыл в Горенки, чем немало удивил свою жену и дочерей.

– Мы никак не ждали тебя, князь Алексей, нынче, а ты – на! нежданно-негаданно к нам пожаловал, – встретила его княгиня.

– Так-то лучше, – здороваясь с женою, ответил Алексей Григорьевич.

– Ты погостишь у нас?

– Ишь, что сказала! Да разве можно? Разве ты не знаешь наших дел, Прасковья Юрьевна? Теперь к нам государь благоволит, а не торчи я постоянно во дворце, при государе, было бы совсем другое: тут бы мое место занял другой. Разумеешь ли, княгинюшка?

– Плохо я, Алексей Григорьевич, разумею ваши придворные тонкости.

– А знаешь ли, княгинюшка, какое слово я тебе молвлю? Только ты поди притвори поплотнее двери, чтобы кто-либо не подслушал.

– Ну, притворила... сказывай.

– За дверями нет никого? Людишки не торчат?

– Зачем им тут быть? В передней им место... Никого у дверей нет, говори, князь, не томи.

– Ладно, я сам еще посмотрю! – сказал князь и лишь после того, как убедился, что их никто не подслушивает, тихо спросил у жены: – Хотелось бы тебе быть государевой тещей?

– Да ты, князь, что это? В своем уме? – почти выкрикнула княгиня. – Да что ты задумал, что задумал?

– Что задумал, то и будет. Только ты мне не мешай!.. Князь Василий Лукич и другие наши родичи все согласились помогать мне. Только никак не могу уломать Ивана... Вот Господь Бог наделил меня сынком-то!..

– Алексей Григорьевич, что ты говоришь только? Ведь об этом и подумать страшно. Неужели участь Меншикова не останавливает тебя от несбыточных желаний?

– Что Меншиков? Он хоть и хитер был, но, начав свое дело хорошо, окончить-то его не сумел.

– А ты сумеешь, сумеешь?

– Да, сумею и государя женю на нашей дочери. А ты, Прасковья Юрьевна, и не думай препятствовать этому!.. Да, я знаю, ты – женщина умная, рассудительная, против меня ты не пойдешь.

– Как я пойду против тебя? Ты, князь, сильнее меня. Но хорошего в твоём деле я ничего не вижу ни для тебя, ни для всех нас! Боюсь я, что и нас постигнет такая же участь, какая постигла Меншиковых, а может быть, и того хуже, – с глубоким вздохом проговорила Прасковья Юрьевна.

– Типун тебе на язык, глупая баба! – с сердцем воскликнул князь. – Я не рад, что и заговорил с тобою про это дело.

– И не надо, не говори... Делай как знаешь, мешать тебе я не буду, а за детей молиться стану, чтобы их Бог избавил от несчастья.

– Вот и давно бы так! Завтра Иван хотел приехать. Ты ведь знаешь, он за Наталью Шереметеву сватался. Вчера был в доме у невесты и получил ее согласие.

– Вот этому я порадуюсь. Графиня Наталья Борисовна – примерная девица, тихая, скромная. Рада я за Иванушку, вот как рада. Счастлив он будет с графиней Натальей. Она сумеет остановить его от кутежей и попок.

– Дурак твой Иван, большой дурак! Ему в руки само счастье плывет, только бери, не ленись. Государь так к нему привязался, что не расстается с ним. Захоти только Иван, так первейшим человеком в государстве стал бы. Ведь государь его во всем слушает, как Иван скажет, так тому и быть. Он всех министров мог бы в руки забрать.

– У Иванушки хорошая душа, добрая, он не честолюбив, – перебивая мужа, проговорила княгиня.

– Весь в тебя: такой же мямля, бессребреник, и немало труда стоит мне влиять на него там, чтобы он перед государем в нашу руку работал, чести и могуществу нашего рода способствовал. И ведь бьюсь я, бьюсь, а толка пока от этого немного. Ну да оставим говорить про это!.. Авось я все-таки переломлю Ивана. Ступай, пошли ко мне Катю: мне надо с нею побеседовать.

– Сейчас пошлю.

Княгиня Прасковья Юрьевна вышла, и спустя немного в горницу к отцу впорхнула Катя.

Она была очень красива и стройна и получила довольно хорошее по тому времени образование; она очень долго жила в Варшаве у своего дяди князя Григория Федоровича Долгорукова и научилась там светскому обращению.

Едва она вошла в комнату отца, тот обратился к ней:

– Здравствуй, Катюша. Садись, будем говорить. Тебе известно, что к нам в Горенки на днях приезжает дорогой гость? Знаешь ли кто?

– Не знаю, папа, хотя по тем приготовлениям, которые происходят во всей усадьбе, могу думать, что гость будет важный, – несколько подумав, ответила княжна.

– Государь к нам приедет, – самодовольно улыбаясь, проговорил Долгоруков.

– Как! Неужели? – с удивлением воскликнула княжна.

– Да, да. Его императорское величество дал слово быть у нас в усадьбе.

– Это для нас – большая честь, – как-то холодно проговорила княжна Екатерина.

– Я думаю! А вот послушай, что я стану говорить. Скажи, ты счастья себе желаешь?

– Кто же не желает, папа?

– От тебя теперь зависит получить большое-большое счастье!

– Что же для этого надо мне сделать?

– Постарайся понравиться государю. Понравишься ему, он на тебе женится, и ты станешь императрицею... Поняла ли?

– Конечно, поняла! Но, папа, не вышло бы с нами то, что случилось с Меншиковыми!

– Не бойся, Катя, я поведу дело совсем по-другому. Ты только постарайся понравиться государю.

– Понравиться... А если я не понравлюсь?

– Уж если государь хотел жениться на Марье Меншиковой, то тебе-то и сомневаться незачем: ведь ты много красивее и милее ее.

– Но ведь я старше государя.

– Это ничего не значит! Да разве у тебя нет желания быть императрицей?

– Откровенно скажу, нет.

– Да ты с ума сошла?! – с неудовольствием проговорил князь. – Ведь это такое великое счастье! Подумай сама только!.. Ведь ты станешь повелительницей величайшей в мире страны!.. А богатство, а власть, а могущество!.. Ведь все станут преклоняться перед тобой, и если повести дело с умом, то и себя, и всех нас прославить можешь! Это ли не счастье?! Да ведь не понимать этого – значит быть круглой душой!.. Я даже представить себе не могу, как всего этого не понимать возможно!..

– Разубеждать вас я не буду, так как все равно вы не послушаете меня. Противиться тоже я не буду, потому что вы все же поставите на своем, но скажу вам, что в этом неравном браке я вижу не счастье, а большое, большое несчастье...

– И ты про несчастье заговорила? Да что вы с матерью, сговорились, что ли, пугать меня каким-то несчастьем? Где оно? Откуда вы видите его?

– Ах, папа, папа, вы заблуждаетесь!

– Благодарю покорно! Уж ты учить меня вздумала? Живучи в Польше у дяди, ты, видно, научилась там польским манерам? Но – нет! – твои наставления я слушать не хочу! – закричал на дочь рассерженный князь.

– Я не понимаю, папа, на что вы гневаетесь? Ведь я сказала вам, что из вашего повинования и воли не выйду. Вы желаете, чтобы я старалась понравиться государю-мальчику, приняла меры к тому, чтобы увлечь его, и я буду стараться, но что из этого выйдет, я не знаю, только думаю – мало хорошего...

– Ну, это мы увидим, увидим! А теперь ступай. Только прошу не забыть моих слов и готовиться к приезду государя! – уже совершенно раздражившись, закончил князь Алексей Григорьевич.

В ответ на слова отца княжна Екатерина лишь тяжело вздохнула и поспешно вышла.

«Что это значит? Я думал, Катя запрыгает от радости, а она чуть не плачет. Неужели ее не прельщает быть женою императора? Уж не любит ли она кого? Надо постараться разведать!» – провожая взглядом дочь, подумал князь.

III

Император-отрок находился уже в Москве; его въезд в первопрестольную столицу со всем двором произошел очень торжественно. Все улицы, по которым ехал Петр Алексеевич, были запружены народом, собравшимся со всех концов Москвы навстречу государю и приветствовавшим его радостными криками, которым вторили колокола сорока сороков церквей московских.

Государь был весел и радостен и низко раскланивался с народом. Величавая Москва произвела на его молодую душу самое радостное впечатление и понравилась ему много больше Петербурга.

Император-отрок остановился в Лефортовском дворце, где торжественно представлялись ему высшее московское духовенство, генералитет и московские власти, и очаровал их своею любезностью.

– Наконец-то я в Москве, в милой, дорогой Москве, – весело проговорил он, оставшись в своем кабинете вдвоем с князем Иваном Долгоруковым.

– Москва, видно, государь, пришлась больше тебе по нраву, чем Питер?

– Несравненно, Ваня! Я думаю навсегда остаться в Москве. Пусть здесь будет моя резиденция. И народ здешний мне больше нравится, чем питерский.

– В Москве, государь, как-то привольнее, проще, да и повеселиться можно, около города леса отличные, есть где поохотиться.

– Да, да. Мы здесь, Ваня, вволю поохотимся с тобой. Я вот отдохну, побываю, где нужно, а там и на охоту.

– А с охоты, государь, к нам в усадьбу, на перепутье. Хорошо у нас там! То-то разойтись можно!.. И гульнуть, и потанцевать, и вволю по полям да лесам покататься можно! Приезжайте, государь, к нам, довольны останетесь!

– Непременно, Ваня, заеду. Твой отец звал меня, и я дал слово быть у вас.

– Твой приезд, государь, принесет нам большое счастье, – с низким поклоном проговорил князь Иван.

– Знаешь, Ваня, я хотел бы приносить счастье не вам одним, моим близким, а всему народу, который вручен мне Богом. Я хотел бы делить с этим народом и радость и горе и был бы счастлив если бы весь мой народ благоденствовал, не ведая горя. Но достичь этого трудно,

почти нельзя. У меня, к несчастью, немного таких верных слуг, как ты. Много около меня помощников, а положиться на них нельзя; ведь все не о благоденствии народном, а только о себе и о своих близких думают. Искоренить это зло у меня нет сил!

– Подрастешь, возмужаешь, государь, тогда и сила у тебя явится.

– Я у Бога, Ваня, стану просить помощи... Бог даст мне силу искоренить зло и неправду в моей земле.

– Помогай тебе Бог, великий государь. А когда ты изволишь посетить царицу-инокиню Евдокию Федоровну? – меня разговор, спросил Иван Долгоруков. – Ее величество уже не раз осведомлялись об этом. Хочется ей повидать вас, да и вам по родственной близости поклон отдать ей следовало бы! Ведь, говорят, любит она вас крепко!

– Слышал я, Ваня, про это, знаю и жаль ее, бедную! И говорили мне, что немало ей перенести в жизни пришлось, а за что – и понять не могу! Так ты говоришь, она видеть меня хочет? Ну что ж, съездим к ней завтра, непременно завтра. Вели к моему отъезду готовым быть, Ваня! И Наташу с собой возьмем, и тетушку-царевну Елизавету. Слышишь, Ваня, непременно скажи им, чтобы приготовились.

– Слушаю, государь!

– Люблю я их, Ваня, ах как люблю!.. Да ведь и ближе их никого у меня нет! Наташа-то – ангел кроткий, а тетушка-царевна! – с восторгом воскликнул Петр Алексеевич, и его глаза вспыхнули особым огоньком. – Эх, да что и говорить о ней!.. Ведь это – красotka такая, что второй такой, поди, и не сыскать! И образованная-то она – ведь как по-французски-то и говорит и пишет!.. А уж веселая-то, веселая!.. И песни-то поет, и хороводы водит!.. И все русское как любит!..

– Да, государь, вы правы! – с восхищением подтвердил и князь Иван. – Истинная королева!.. Эх, так вот, что уж невеститься она начала... ведь, наверно, у нас не останется, куда-нибудь в Европу замуж выйдет. Ведь слава-то о ее красоте да живости и приветливости и там известна. Приедет к нам королевич какой-нибудь, либо принц, либо герцог, присватается к ней, да и увезет ее от нас. Подумаешь только, какое она счастье мужу своему даст, прямо-таки зависть берет!..

– Как это так увезут ее? – вдруг вспыхнул император-отрок. – Да разве мы отдадим ее?.. Ну, нет, это еще мы посмотрим. Как же я без нее буду? Ведь я сам ее люблю. Пусть-ка сунется кто-нибудь!.. Покажу я, как нашу красавицу отбивать!.. – И император в волнении даже забежал по залу дворца. – Ну нет, если так, то я и сам женюсь на ней!..

– Что вы, что вы, государь, да разве это можно? Ведь вы ее племянник.

– Ну так что ж! Ведь за границей-то это сплошь да рядом делается!.. А ведь и моя матушка покойная немка была и даже, сюда приехав, православной не стала.

– Так-то так, государь, – попробовал возразить Долгоруков, – но ведь вы-то – император православной Руси, и царевна православная. Никак этот брак невозможен! – настойчиво повторил князь Иван, тотчас же сообразив всю опасность подобного брака для планов своей семьи.

– А я покажу, что возможно! – крикнул Петр Алексеевич. – Что может помешать моему желанию и воле? Ведь я – император!

Видя, что этот разговор волнует императора, и не желая возражениями обострять вопрос и указанием на возможные препятствия возбудить в Петре упорство и настойчивость, князь Иван предпочел покончить разговор на эту тему и перевел его на посещение царицы-инокини.

Император подтвердил, что поедет к ней на следующий день.

Это известие было передано в Новодевичий монастырь, и там поднялась большая суэта. Начиная с игуменьи и кончая простой беличкой, все были заняты приготовлениями к встрече государя.

Немало волновалась и Евдокия Федоровна, поджидая своего державного внука. Старушка то и дело подходила к окну и посылала своих прислужниц к монастырским воротам посмотреть, не едет ли государь.

Наконец в безветренном, тихом воздухе с колокольни Новодевичьего монастыря раздался густой благовест в большой колокол.

– Едет, едет царь, – вбегая в келью государыни-монахини и задыхаясь от усталости, проговорила молодая послушница, которой было приказано ждать у святых ворот и, как покажется карета государя, бежать и известить о том царицу-инокиню.

– Далеко ли? – дрожащим голосом спросила Евдокия Федоровна.

– Близехонько, к монастырю уж подъезжает. Карета-то, видать, золотая, а кони-то белые. А около кареты государя скачут какие-то воины в шляпах с перьями и все они в золотых галунах, – запыхавшись, рассказывала молоденькая послушница.

– Ну, ну... полно! Ступай к себе! – сказала царица и обратилась к ближней прислужнице: – А ты, Лукерья, от окна не отходи и, как завидишь, что государь ко мне свой путь направил, сейчас о том скажи. Сама я с кресла двинуться не могу. Дрожат и ноги и руки, сердце замирает. С чего – и сама не ведаю!

– С радости, государыня-матушка, с радости! Да вот и государь шествовать изволит, – отскакивая от окна, быстро проговорила Лукерья.

– Слава богу, дождалась!

С трудом поднялась с кресла Евдокия Федоровна и, поддерживаемая своей любимой прислужницей, пошла к двери навстречу своему державному внуку.

– Здравствуйте, милая бабушка, здравствуйте. Я очень рад свиданию с вами, – весело и почтительно проговорил император-отрок.

– Здравствуй, внучек, дорогой Петрушенька, светик мой! – крепко обнимая государя, задышающимся от слез голосом проговорила царица-инокиня.

– Здоровы ли вы, бабушка?

– Здорова, государь-внучек, телом здорова, да вот душа моя скорбит смертельно.

– С чего это, бабушка? Может, вы чем недовольны?.. Так скажите, прошу вас!

– Спасибо, Петрушенька, спасибо! Всем я довольна... А это кто с тобой? – спросила Евдокия Федоровна, показывая на вошедших к ней за государем великих княжен Наталью Алексеевну и Елизавету Петровну.

– Сестра моя Наташа. Не узнала, бабушка?

– Наташенька, голубушка моя, родная, сиротиночка!.. – И царица-монахиня принялась обнимать и целовать свою внучку, великую княжну.

– А это, бабушка, – моя тетя, Елизавета Петровна, – проговорил государь, подводя за руку к царице-монахине красавицу царевну.

– Здравствуй, царевна... здравствуй! Если не брезгуешь, то поцелуй меня старуху! Твоему отцу, царю Петру, была я не чужая, – сухо проговорила Евдокия Федоровна.

– Что вы, что вы! Вами брезговать! Я так рада видеть вас, государыня-матушка! – И Елизавета Петровна, крепко обняв, поцеловала несчастную жену своего отца.

– Ты добрая, ласковая... видно, не в отца... А ты, внучка моя милая, с чего такая худенькая да бледная? Или тебе, светик мой, нездоровится? – любовно посматривая на великую княжну Наталью Алексеевну, спросила царица-монахиня.

– Мне, бабушка, ничего, я здорова.

– А с чего же ты такая худенькая да бледная?

– Уж, право, не знаю, бабушка; только я совсем, совсем здорова...

– Ну и хорошо!.. и дай Бог тебе здоровья, царевнушка моя сердечная. Ведь оно тебе ох как надо!.. И о себе-то тебе позаботиться следует, и о братце Петрушеньке. Вишь, ведь он еще юный какой! Ведь возле него ни отца, ни матушки, одна ты для него близкая да старшая, так

тебе и сам Господь за ним последить велел. Многому ему еще поучиться надо, и я прошу тебя – помогай ты ему в этом, смотри, чтобы он наук да церкви Божьей не забывал!

Этот разговор не нравился императору-отроку, он морщился и хмурился. Нотация бабушки быстро подавила в этом еще не уравновешенном юноше чувство родственной привязанности к ней, и он даже отвернулся от царицы-инокини. Да и вообще его мысли были заняты другим: он был еще весь под влиянием вчерашней беседы с Долгоруковым, его волновала близость царевны Елизаветы, которой он действительно увлекался. Он почти не отрывал взгляда от нее, следил за каждым ее движением. Его тяготило это пребывание у бабушки, в ее келье; его тянуло вон отсюда, чтобы опять очутиться в карете рядом с красавицей Елизаветой Петровной и беспрепятственно беседовать с нею.

Это заметила царевна Елизавета Петровна и с улыбкою тихо проговорила:

– Не пора ли нам, государь?

– Да, да, и то пора.

– Куда спешите? Погостите, порадуйте меня, старуху!

– Меня ждут... мне надо ехать, бабушка! Мы опять к вам скоро приедем, – произнес император, с живостью ухватившись за предложение царевны.

– Ох, приедете ли? Буду ждать, буду.

– Ждите, бабушка... Если вы чем-либо недовольны или чего у вас не хватает, то скажите, и все получите...

– Спасибо, государь мой и внучек милый! Всем я довольна. Да и много ли мне, старухе инокине, надобно? Вот хотела бы я поговорить с тобою, Петрушенька, – произнесла царица-инокиня, сильно беспокоившаяся о внуке, так как ей уже было известно, кто окружает его и к чему направляют его руководители Долгоруковы.

– Что же, я дня через два-три приеду, мы и поговорим с вами, бабушка, а теперь у меня нет времени, я должен спешить, – нетерпеливо проговорил Петр.

– Ну, ну, поезжай... Храни тебя Бог! Не забывай меня, старуху, уж недолго осталось мне жить на свете... И ты, светик мой, с государем приезжай! – обратилась царица к внучке. – Тебя, царевна, Елизавета Петровна, я не зову. Тебе, такой красавице, беседовать со мной, старухой, пожалуй, не в угоду будет... Прости!

Высочайшие гости уехали, и опять одна осталась Евдокия Федоровна в своей келье, одна, только со своими воспоминаниями о былом.

«Петруша и Наташа – оба бледные, худые... в отца. И Алешенька таким же рос. А Елизавета – красавица, бела, стройна, румяна, прямо царь-девица... Хоть и стары мои глаза, а все же разглядела, что государь-внук на красавицу тетку частенько посматривал. В его отроческом взгляде любовь была видна. Недаром слух идет, что Петруша любит царевну-тетку и будто жениться на ней хочет. Племянник на родной тетке! Кровосмешение! О Господи, спаси... помилуй! От одной мысли дрожь пробирает и волосы на голове становятся дыбом».

– Господи, не дай мне дожить до сего! – вслух, задыхающимся голосом, со стоном проговорила царица-инокиня и обратилась к служанке: – Что, уехал государь?

– Только что изволил сесть в карету, из окна я видела.

– Уехал!.. Спаси его, Господь! Веди меня, Лукерья, в образную, молиться я хочу, Бога благодарить, что Он сподобил меня внучка-царя узреть сегодня.

Император-отрок на другой день после своего посещения бабки прибыл в верховный тайный совет и заявил, что из почтения и любви к своей бабушке желает, чтобы «ее величество по своему высокому достоинству была содержима во всяком довольстве и чтобы члены совета учинили надлежащее определение и донесли ему скорей».

Вскоре ей был назначен штат, было определено выдавать по шестидесяти тысяч рублей в год и отписана на нее целая волость в две тысячи дворов.

Вестниками этой радости были посланы государем к царице-инокине два важных вельможи – князь Василий Лукич Долгоруков и Дмитрий Михайлович Голицын. Когда они сообщили ей повеление государя, Евдокия Федоровна промолвила:

– Князья, я не найду слов, как благодарить моего внука, великого государя, за его внимание к моему убожеству. Вам ведомо, что много я вытерпела, много перенесла на своем веку горя и несчастья, а его царское величество безмерной радостью меня изволил наделить... И за это я шлю ему мой земной поклон.

Сказав это, царица хотела опуститься на колени, но князь Голицын остановил ее от этого поклона.

– Не труди себя, царица-матушка... Великому государю твой поклон мы передадим.

– Его царское величество изволит через нас тебя, государыню, спрашивать: не требуется ли твоему величеству еще чего-нибудь? – с низким поклоном сказал князь Василий Лукич Долгоруков.

– Ничего мне больше не надо, князь, всем я безмерно взыскана моим внуком-государем. Только об одном скажите его величеству, что прошу я у него как большой милости приехать навестить меня.

– Передадим мы великому государю, матушка-царица, твою просьбу, – проговорил князь Голицын.

Евдокия Федоровна очутилась теперь в большой славе; ей воздавали царские почести, называли царицей и государыней; к ней в Новодевичий монастырь всякий день ездили на поклон вельможи и первые люди в государстве, и многие заискивали ее расположения.

Воспрянула духом царица-инокиня и даже как бы помолодела на несколько лет. Каждый день поджидала она приезда внука-государя. Но Петр, проводивший почти все дни на охоте, окруженный Долгоруковыми, забыл обещание навестить свою бабушку; увлеченный охотой, он стал также забывать и горячо любимую сестру Наталью Алексеевну, которая стала очень часто прихварывать и день ото дня худела и бледнела, тая, как свеча.

Зато царевна Елизавета Петровна цвела, что роза майская, и день ото дня становилась все красивее и красивее.

Император-отрок влюбился в свою красавицу тетку и ни на ком не хотел жениться, кроме нее. Не раз об этом начинал он говорить с царевной Елизаветой, чуть не со слезами просил ее согласия, но всегда получал отказ, хотя и подслащенный уверениями в любви и преданности.

Наконец он решил окончательно выяснить вопрос. Не поехав как-то на охоту, он отправился на половину Елизаветы Петровны и застал ее печально сидевшую у стола; на ее красивых глазах видны были следы слез.

– Лиза, ты печальна? Ты плакала? – с удивлением воскликнул император-отрок, привыкший видеть свою красавицу тетку всегда веселой и счастливой.

– Нет, я ничего, – стараясь улыбнуться, ответила царевна.

– Тебя, может быть, кто обидел? Скажи, Лиза, и тот мне дорого за это заплатит... кто бы он ни был!..

– Вот как, государь? Ты не помиловал бы и своего любимца князя Ивана?

– А разве он обидел тебя чем-либо?

– Нет. Да и как смеет обидеть меня князь Иван? Только за несколько минут до твоего прихода, государь, он заходил ко мне и чуть не на коленях просил, чтобы я вышла за него замуж.

– Как он смел только подумать об этом! – сердито топнув ногою, воскликнул Петр.

– На него сердиться не стоит, Петруша. Твой князь Иван какой-то полоумный, право! Он собирается жениться на Наталье Шереметевой, об этом все знают, а нынче ко мне пришел, плачет, в ноги кланяется. «Не мужем, – говорит, – твоим я буду, прекрасная царевна, а рабом». И смешно и обидно мне было это слушать. Я – дочь императора, перед памятью которого

благоговеет вся Русь, а подданный моего отца смеет предлагать мне брак! Он не смел бы и подумать об этом, если бы жив был мой отец... Я – сирота, круглая сирота, заступиться за меня некому, – со слезами на глазах проговорила царевна Елизавета Петровна.

– Как некому! А я? Меня ты забыла, Лиза? – с легким упреком сказал Петр. – Я... я сегодня же прикажу арестовать Ивана.

– Не делай этого, государь! За твою любовь ко мне и за защиту большое спасибо, но князю Ивану лиха я не желаю... да и не за что! Видно, он от гульбы и от бессонных ночей ополоумел и вместо какой-нибудь другой девицы ко мне пришел. Мне, царской дочери, он стал предлагать выйти за него, и на это глупое предложение я смехом ответила, а не злобою и прогнала его.

– А мне чем ответишь ты, Лиза, если я стану усердно просить тебя о том же? – слегка дрожащим голосом промолвил император-отрок.

– Теми же словами, какими и прежде. Немыслим этот брак, государь! Святая церковь и народ осудят нас. И счастья нам не будет. Ведь Богу противен будет этот незаконный брак.

– Это твое последнее слово, царевна?

– Да, да, последнее.

– Стало быть, ты не любишь меня, не любишь? – В голосе юного государя звучали слезы. – Ты делаешь меня несчастным, Лиза!

– Полно, голубчик мой, счастливее тебя на всем свете нет. Ты – государь, тебе подвластны миллионы людей, ты молод, красив. Но о любви и о женитьбе тебе думать еще рано. Тебе следует еще многому учиться. Вот подрастешь, возмужаешь, тогда и женишься.

– Наставления, царевна, оставь при себе, их мне надоело слушать и от Андрея Ивановича, – сердито прервал император-отрок. – Обидны мне твои слова, царевна! Ты все считаешь меня за мальчика. А ведь мне уже четырнадцать лет.

– Небольшие года еще, Петрушенька, небольшие. Ты еще только начинаешь жить. Твоя жизнь впереди, тебе еще многому учиться нужно. Не думай, что легко державой управлять. Мой отец покойный, а твой дед богатырем был, но и то часто тяжелой думе предавался, поникнув своей могучей головой. На помощников своих много не полагайся. Верь больше своим глазам, а не чужим. Особенно на Долгоруковых много не полагайся, себя им в руки не отдавай. Слух идет, что князь Алексей задумал женить тебя на своей дочери.

– Что же, и женюсь, женюсь. Ведь ты не хочешь быть моей женой, так я женюсь на Долгоруковой.

– Смотри, не вышло бы с твоей невестой Долгоруковой то же, что и с Марьей Меншиковой.

– Этого никогда не может быть. Долгоруковы мне преданы, особенно же князь Иван.

– Ох уж этот мне князек! Совсем тебя испортил он! И не я одна так думаю, а многие.

– Так все вы ошибаетесь, все! Князь Иван – мой искренний и преданный друг! Он желает мне добра и счастья, и ничто не заставит меня изменить к нему свои отношения! – громко проговорил император-отрок и, не сказав более ни слова, быстро вышел.

IV

Коронация императора-отрока отличалась особою торжественностью и блеском. Торжества длились несколько дней подряд и сопровождались придворными великолепными балами, угощениями для народа, а также роскошными фейерверками и иллюминацией.

В дни коронации Петр наградил своих приближенных: князья Долгоруковы были назначены членами верховного тайного совета, а царский любимец Иван Долгоруков – обер-камергером.

Хитрый дипломат Андрей Иванович Остерман по-прежнему пользовался расположением и доверием юного государя, но никак не мог приохотить его к занятию науками.

С переездом двора в Москву в 1728 году, как говорит историк, «потехи» Петра II окончательно взяли верх над учеными и серьезными занятиями. Ребенок-император предался всецело увеселениям и в особенности охоте. Но на этот раз виновником его рассеянной жизни был уже не Иван Алексеевич, а отец фаворита Алексей Григорьевич Долгоруков, задавшийся целью непременно обвенчать Петра II с своей дочерью, княжной Екатериной.

На семейном совете Долгоруковы решили помогать Алексею Григорьевичу в осуществлении этого плана, и только один Иван Долгоруков высказался против этого.

– Что ты, отец, задумал?.. Наша Катя – вовсе не подходящая невеста государю, – возразил он отцу.

– Не подходящая, ты говоришь? А дозвожь узнать чем?

– А тем, во-первых, что она старше государя, а во-вторых, нрав у нее крутой, капризный.

– Ты говоришь так потому, что не любишь Катю и не желаешь ей счастья, но все-таки она будет царицею.

– Едва ли!

– А я говорю: будет, будет... Или ты пойдешь против меня, отца?

– Не против тебя, батюшка, я пойду, а против неправды. Наш государь одной неправдой окружен. Впрочем, делайте как хотите, мешать я вам не буду. Мне с вами не справиться: вас много, я один, – с тяжелым вздохом проговорил князь Иван.

– Завтра государь отправляется на охоту в наши заповедные леса и обещал посетить наши Горенки... Ты поедешь ли? – спросил у сына Алексей Долгоруков.

– Нет! Скажусь больным и не поеду... Без меня вам же лучше будет. Некому будет государя остановить.

– Эх, Иван!.. И язык же у тебя!.. Что бритва... А ты когда же на Шереметевой женишься?

– Не знаю.

– Видно, еще не перебесился!.. Жаль Настеньку Трубецкую покинуть?.. Так, что ли? Ты думаешь, твои шашни мне неизвестны? Думаешь, не знаю, как ты князя Никиту Юрьевича Трубецкого за нос проводишь? Все я знаю, все знаю...

– Твое знание при тебе и останется, – холодно и спокойно возразил отцу князь Иван.

– А если невеста узнает про твои любовные проделки?

– Наташа и без того все знает, я сам рассказал ей.

– И после твоих рассказов она идет за тебя? – с удивлением воскликнул Алексей Долгоруков.

– Да, идет...

– Или она дура набитая, или уж чересчур крепко полюбила тебя!.. Когда же обручение будет?

– На днях... Государь дал слово быть.

– Государь к тебе благоволит... Только гляди, Иван, крепче держись за государя... Врагов у тебя немало. Князь Трубецкой – первый твой враг.

– Не боюсь я его, не боюсь. Знаю, за что злобится.

– Еще бы не злобиться, когда ты жену у него отнял.

– Не моя вина, если он не сумел сберечь свою жену.

– Ну ладно, это – дело твое, а я за тебя – не ответчик. Об одном прошу: не порти нашего дела и против счастья всей нашей семьи не иди.

– Смотри, отец, не ошибись! Чаешь счастья, не получи несчастья!

– Типун тебе на язык! Ты, как черный ворон, одно лишь несчастье и сулишь, – сердито вымолвил старый князь. – Лучше уйди! Ты только на то и горазд – отца расстраивать.

Проговорив эти слова, князь Алексей Григорьевич оставил горницу сына, сердито хлопнув дверью.

Едва только вышел князь, как ему на смену быстро вошел Левушка Храпунов и таинственным голосом проговорил, обращаясь к Ивану Долгорукову:

- Тебя какая-то дама спрашивает. По нужному, говорит, делу.
- Дама? Молодая или старая?
- Не ведаю, под вуалью не видно.
- И фамилии своей не сказала?
- Не сказала... Твои холопы ее не пускают.
- Прикажи, Левушка, пустить, а сам помедли, не входи, пока не позову.

Спустя немного к Ивану Долгорукову вошла какая-то стройная женщина, богато одетая; ее голова была покрыта фатой или густой вуалью. Не говоря ни слова, она быстро подняла вуаль.

- Настя? – с удивлением воскликнул молодой князь.
- Да, Настя! Не ждал? Удивлен?..
- Признаюсь... Чему приписать твой неожиданный приход?
- А вот сейчас скажу... Дай мне дух перевести! Устала, спешила... – проговорила княгиня Настасья Гавриловна Трубецкая, уже давно находившаяся в близких отношениях с Иваном Долгоруковым.

Князь Иван открыто вел связь с Трубецкой, нисколько не стесняясь ее мужа; по словам его современника, князя Щербатова, он, бывая у князя Трубецкого с другими своими молодыми сообщниками, «пивал до крайности, бивал и ругивал мужа, бывшего офицером кавалергардов, имевшего чин генерал-майора и с терпением стыд свой от жены сносившего».

– Скажи мне, ты все-таки решил жениться на Наталье Шереметевой? – сердито посматривая на князя, спросила Трубецкая.

- Все-таки решил, ведь тебе известно об этом.
- А я-то как же?
- А ты, Настя, при своем муже будешь, – насмешливо ответил Долгоруков.
- Грех тебе, Ваня!.. Меня, женщину, которая тебя так горячо любила, а может, любит и теперь, ты променял на девчонку. Чем она лучше меня? Моложе, только и всего... – Молчи! Можешь ли ты равнять себя с моей Наташей? Она и ты – ведь это рай и ад. Если, Настя, хочешь, чтобы я слушал тебя, не говори ни слова о Наташе. Она – святая!

- Святая!.. Ишь, что выдумал!.. Святая, пока...
- Молчать, говорю! – крикнул князь.
- Что ты кричишь, злодей? Или драться со мною задумал? Что же, бей меня!.. – И княгиня Трубецкая заплакала.

– Слушай, Настасья! Утри свои слезы, ведь меня не разжалобишь. Не хнычь! Ваших бабьих слез я не люблю... Домой ступай, перед своим мужем-тюфяком плачь, перед ним при- творяйся.

- Злодей, еще смеешь гнать меня!.. Теперь я стала не нужна, надоела...
- И то надоела! Знаешь, Настя, расстанемся по-хорошему, друзьями.
- Легко сказать – расстанемся... Я так привыкла к тебе, полюбила...
- Не верю я в твою любовь, не верю. Прежде ты мужа полюбила, а там меня и точно так же другого полюбишь.

- А Шереметеву Наташу ты любишь?
- Изволь, скажу: свою невесту я и любить боюсь.
- Как так? – с удивлением воскликнула Трубецкая.
- Рассказывать про то тебе не буду, ты не поймешь. Одно скажу: слишком чиста Наташа! Ну, прощай, Настя, мне недосуг – к государю надо идти.
- Неужели мы так и расстанемся с тобой, тиран ты мой, мучитель?
- Проститься к тебе, Настя, я как-нибудь приеду, а теперь прощай!

– Хоть немного проводи меня!

– Говорю, недосуг мне. Ну, да так и быть, напоследок, пойдем, немного провожу. – И князь Иван встал, чтобы проводить свою отвергнутую возлюбленную.

Она, заливаясь слезами, опустила свою вуаль и беспрепятственно вышла с ним из его покоев.

Князь вполне равнодушно простился с нею; его нисколько не тронуло горе молодой женщины, и он совершенно спокойно продолжал свой образ жизни, полный веселья, кутежей и даже безобразий. Это веселье происходило не только вне царского дворца, но и в стенах последнего, и в него князь Иван, подчиняясь указаниям отца, втягивал и юного императора. Чтобы всецело ослабить волю Петра Алексеевича и овладеть им, Долгоруковы старались затуманить его мозг жизненным угаром и, несмотря на его крайнюю молодость, познакомить его с такими отрицательными сторонами жизни, которыми непристойно было бы увлекаться и вполне возмужалым людям. Это очаровывало отрока-императора, он охотно поддавался этим «радостям жизни», не замечая страшного вреда их для себя.

Но вот наступил день обручения князя Ивана Алексеевича Долгорукова с графиней Натальей Борисовной Шереметевой. Часа за два до приезда жениха и гостей нареченная невеста сидела в своей богато отделанной горенке в кругу подруг и родственниц. Совсем готовая к приему жениха и гостей, она была чудно хороша в белом обручальном платье из дорогого шелка, шитом серебром и крупным жемчугом, с дивной диадемой из крупных алмазов на голове и с такими же алмазами в ушах и на груди. Однако невеста была задумчива и печальна; когда же ее подруги запели венчальные песни, ей стало еще печальнее, еще скучнее, она закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Пелагея Степановна, пожилая вдова-боярыня, тетка графини Натальи Борисовны, заметив эту печаль племянницы, выслала из горницы ее подруг и, оставшись с Наташей одна, спросила ее:

– Что с тобой, светик?

– Печаль, тоска на сердце, тетушка, а с чего – и сама не знаю. И рада бы я, тетушка, не плакать, рада бы не горевать, да слезы сами бегут из глаз.

– С чего бы это? Уж не от сглаза ли с тобой попритчилось? Твоя пора, племянница, не слезы лить, не тосковать, а веселиться да радовать. Жених твой – краса писаная, знатный, любимец государя... Легко сказать!

– От всех одно и то же слышу я, тетушка, все моему счастью завидуют, но от этого счастья у меня больно-больно сердце сжимается. Видно, не перед добром это!

– Полно, Наташенька, полно! Хочешь, позову я подружек и петть их заставлю величальные песни, веселые?

– Нет, нет, не надо, тетушка... С их песен мне еще скучнее становится; похоронными те песни мне кажутся.

– О, Господи, помилуй! Сглазили тебя, Натальюшка, сглазили, моя сердечная! Перестань же плакать! Того гляди, жених приедет, а у тебя и глазыньки заплаканы... Нехорошо!..

В этот момент вбежала Груша, любимая прислужница графини, и поспешно проговорила:

– Едет... Князь-жених едет...

– Ну, слава богу! Пойдем, Наташа, навстречу жениху.

Пелагея Степановна взяла за руку побледневшую еще более графиню Наталью и пошла с нею навстречу князю Ивану Долгорукову.

Подруги Натальи Борисовны и ее сенные встретили жениха величальной песней.

– Спасибо вам, красные девицы, спасибо! Вот вам на наряды да на сладкий леденец, – весело проговорил князь Иван, кланяясь девицам, и дал им горсть червонцев.

Вслед за князем Иваном в палаты Шереметевых прибыл император-отрок с цесаревной Елизаветой Петровной и тотчас же начался обряд обручения, а затем был открыт блестящий бал.

Государь, двор и все вельможи принимали участие в нем, веселье было общее, одна невеста по-прежнему оставалась печальной.

Жених заметил это и спросил у Наташи:

– Радость моя, ты печальна. Скажи, с чего? Я так счастлив, безмерно счастлив, а ты, моя голубка, грустишь!

– Тебе так показалось, князь, я весела.

– Нет, нет, меня ты не обманешь. Ну, да скоро я развеселю тебя цыганской песней и пляской. Под Москвой стоит табор цыган, я приказал привести их сюда; твои братья дали мне свое согласие. Вот как уедет государь, я и прикажу ввести цыган, конечно, если ты согласишься.

– Что же, пускай повеселят...

Действительно, по отъезде государя и двора в палаты Шереметевых были введены пятеро цыган и шесть цыганок. Долго веселили они гостей своими песнями и пляской, а потом цыганки стали гадать, получая за это с гостей щедрую подачку.

– Эй, старая колдунья, погадай и мне про мою судьбу!.. Скажи, что ждет меня впереди, – подзывая к себе старую цыганку, одетую в рубище, грубо сказал князь Иван Долгоруков, протягивая руку.

Долго смотрела на его ладонь цыганка, а потом, не говоря ни слова, хотела отойти прочь.

– Стой!.. Куда же ты? Сказывай, что на моей ладони увидала! – остановил ее князь Иван Долгоруков.

– Ох, князь-красавец, лучше не спрашивай. Цыганкины слова вещи, они сбываются, не минуются. Судьба твоя плачевна и несчастна. Кровь, кровь я видела... Несчастный, бесталаный!.. лютая казнь ждет тебя.

Как тихо ни проговорила эти слова цыганка, но они дошли до слуха графини Натальи Борисовны, стоявшей рядом с женихом, и она упала без чувств.

Произошел большой переполох. Все бросились на помощь графине. Старая цыганка воспользовалась этим и скрылась из палат незамеченной. Сколько ни искали ее, нигде не могли найти. Некоторые из гостей заметили, что с этой цыганкой перед тем долго говорил князь Никита Трубецкой, находившийся на балу; кивком головы он показал старухе цыганке на своего соперника, князя Ивана Долгорукова.

Обморок невесты на всех гостей произвел удручающее впечатление. Они поспешили разъехаться, и в палатах Шереметева у своей невесты остался только Иван Долгоруков со своими любимцами и приятелями – Левушкой Храпуновым и Степаном Васильевичем Лопухиным. «Свойственник государев по бабке его Лопухиной, первой супруге Петра Великого», Степа Лопухин был камер-юнкером при дворе и пользовался особою привязанностью царского фаворита.

– Ну что, как Наташа? – дрожащим голосом спросил Иван Долгоруков у брата невесты, графа Петра Борисовича Шереметева, только что вернувшегося из горницы сестры.

– Все еще без памяти. Впрочем, лекарь говорит, что опасного ничего нет.

– Господи, и с чего это с нею, с чего? Неужели вранье проклятой цыганки так подействовало на нее?

– Страшные слова сказала цыганка, князь Иван Алексеевич, страшные.

– Неужели же верить им?..

– Ох, князь, большинство людей верит в цыганские предсказания.

– Неспроста старая цыганка сказала те слова, неспроста, – тихо проговорил Храпунов. – По-моему, ее подучили сказать их.

– Кто, кто?

– Верно сказать, князь, я не могу, а только видел, что князь Никита Трубецкой с цыганкой что-то долго говорил и на тебя кивнул ей головою.

– Ты думаешь, Трубецкой подучил цыганку? Может быть! У Никиты Трубецкого есть ненависть ко мне и злоба, он ненавидит меня, и, без сомнения, это он подучил цыганку. Но он заплатится мне за это!.. Я все узнаю, – с большим волнением проговорил Долгоруков.

– Что ты задумал делать? – спросил Лопухин.

– Я... я сейчас поеду к Трубецкому и спрошу у него.

– Разве он скажет тебе?

– Я заставлю его сказать правду!.. Силою заставлю повиниться!.. Степа и ты, Левушка, со мною поедете!

– Ехать в такое время!.. Ведь ночь, – возразил Лопухин. – Отложи хоть до завтра.

– Нет, нет, сейчас. Ни одной минуты не стану медлить!.. Вас, друзья мои, тревожить я не буду, один поеду.

– Но мы тебя не отпустим... Куда ты, туда и мы.

– Спасибо, друзья, спасибо! Я верю вашей дружбе и привязанности, верю.

Вскоре же Долгоруков со своими приятелями уехал из палат Шереметевых и, несмотря на то что была глубокая ночь, приказал везти себя к дому князя Никиты Трубецкого. Всю дорогу он был печален и наконец произнес:

– А что, друзья мои, если слова старой цыганки и на самом деле будут вещими? Ведь многие говорят, что цыганкины предсказания сбываются. А вдруг и действительно меня ждет лютая казнь?

– Что ты, что ты! С чего такие мысли! – в один голос испуганно воскликнули его товарищи.

– Кто знает... Будущее от нас закрыто непроницаемою завесой.

– Если так, то как же цыганка может знать твою судьбу? – успокаивая приятеля, проговорил Храпунов.

– Да, пожалуй, и так! Ну да что!.. Чему быть, того не миновать, от своей судьбы не уйдешь, не уедешь. А теперь, друзья, давайте брать от жизни то, что она дает нам. Эй, ямщик, говорят, ты горазд песни петь. Запой веселую, а мы тебе подтянем.

И вот среди безмолвной тишины ночи громко раздалась веселая песня; звонко понеслась она по улицам Москвы и замирала где-то далеко, в беспредельном пространстве.

Но вот показался дом князя Никиты Юрьевича Трубецкого. Полнейшее безмолвие царило в нем; огни были давно погашены и ворота на запоре. Князь Никита и его жена давно вернулись с бала от Шереметевых и теперь уже крепко спали.

Громкий стук в ворота не в урочный час разбудил не только княжеских холопов, но даже самого князя и его жену.

– Поди узнай, кто стучит, кто смеет нарушать мой покой? – сердито приказал князь своему дворецкому.

Старик дворецкий немного спустя принес такое известие:

– Князь Иван Алексеевич у ворот твоих, государь! Слышь, в гости к твоей княжеской милости прибыл.

– В такую-то пору? Не отпирать ему ворот!

– Грозится, государь, выломать.

– Бесчинник, разбойник! Что с ним и делать? – упавшим голосом проговорил князь.

– Принять его надо, скорее принять!.. Ведь князь Иван выполнит свою угрозу, – несколько смущенно посоветовала мужу княгиня, наскоро одеваясь.

– Принять!.. Знаю, ты рада его приезду, бесстыжая баба! – крикнул Трубецкой, но волею-неволей ему пришлось отдать приказ отпереть ворота и, несмотря на ночную пору, впустить нежданного гостя на двор.

Князь Иван в сопровождении Лопухина и Храпунова вошел в горницу. Неласковым взглядом встретил его князь Никита Трубецкой и резко проговорил:

– Надо бы тебе пору знать, гость незванный. Не в пору гость – хуже татарина.

– Не гостить к тебе я приехал, а за делом, – хмуро ответил Долгоруков.

– А дня-то разве тебе мало? Кто это по ночам за делом ездит?

– Спешное, неотложное дело у меня, князь! По злобе ты подучил цыганку на балу сказать, что меня казнь ожидает.

– С чего ты вздумал, князь Иван Алексеевич, зачем я буду подучать? – менясь в лице, воскликнул Трубецкой.

– Ты смутился, значит, я прав! Но я и внимания не обратил бы на все это, если бы от цыганкиных слов не пострадала моя невеста, графиня Наталья... С испуга она и посейчас лежит без памяти.

– Так что же, князь, от меня ты хочешь?

– А ты вперед покайся.

– Разве ты – поп, что меня каяться заставляешь?

– Ох, князь Никита, не виляй, а прямо говори: ты подучил цыганку?

– Ничего я не говорил, ничего не знаю.

– Так ли, князь Никита? – насмешливо посматривая на Трубецкого, проговорил Долгоруков.

– Что? Или божиться меня заставишь, а может, пыткой задумал от меня признания добиться? – крикнул Трубецкой.

– Не кричи, этим себя не оправдаешь, да и не испугаюсь я тебя! Вижу, виноват ты, и с тобою мне не о чем больше говорить. Поди-ка ты отсюда вон да пошли ко мне свою жену: с нею я поговорю.

– Моя жена спит.

– Так разбуди. Я так хочу!

– Не забывай, князь Иван, в моем доме нет твоей власти. Ни хотеть, ни приказывать ты тут не можешь! – крикнул Трубецкой.

– Не хочешь разбудить свою жену, так я разбужу ее. – И Долгоруков направился в спальню княгини Трубецкой.

– Ты куда? Не дури, князь Иван, опомнись... Не то холопов позову.

– Ты еще смеешь мне холопами грозить! Если ты мне не страшен, то холопы твои и подавно.

Князь Иван нисколько не постеснялся бы войти в спальню к жене Трубецкого, если бы она сама не появилась около двери.

– Что тебе, князь Иван, надо? Что ты шумишь? – полусердитым голосом спросила она у назойливого гостя.

– А, княгиня, не спишь? Поговорить мне с тобой, Настя, надо.

– Шальной ты, князь Иван, как есть шальной! Что же ты ночью, а не днем?

– Днем-то, Настя, недосуг – все в разъездах. Князь Никита, выйди на малое время, мне с твоей женой поговорить кой про что надо...

– А зачем мне выходить? Говори при мне...

– Повыдь, говорю!

– Лучше ты повыдь, а я не пойду.

– Не выйдешь? Так я выброшу в окно! – невозмутимо проговорил Долгоруков.

– Что такое? Меня в окно? Да ты, верно, князь, не прочах еще с вина? Поезжай домой и спать скорей ложись. По доброй воле не пойдешь, прикажу холопам силою вывести тебя. Эй, люди! Сюда, ко мне! – задыхаясь от бешенства, крикнул князь Никита Юрьевич.

– А, ты вот как!.. Ты у меня, пес, сейчас за окном очутишься! – И Долгоруков, схватив в охапку тщедушного Никиту Юрьевича, потащил его к окну.

Трубецкому быть бы непременно за окном, если бы тому не воспрепятствовали Лопухин и Храпунов. Им удалось уговорить не в меру разбушевавшегося товарища и увезти его домой.

С того дня Трубецкой еще более озлобился на Долгорукова, но волей-неволей до времени должен был таить свою злобу на сердце, потому что бороться с Долгоруковым ему было не под силу, так как тот был всесильным фаворитом при императоре-отроке.

Князь Алексей Григорьевич употреблял все усилия, чтобы как-нибудь отстранить от царя своего «непокорного» сына Ивана и вместо него приблизить к царю своего младшего сына Николая. Вначале это ему несколько удалось. Император-отрок стал охладевать к своему любимцу, но это произошло больше оттого, что Петр II ревновал Ивана Долгорукова к царевне Елизавете Петровне. Однако, когда князь Иван объявил себя женихом графини Натальи Шереметевой, государь опять вернул свое расположение к своему фавориту и по-прежнему стал целые дни проводить с ним на охоте.

Долгоруковы так повели дело, что отстранили от государя даже его близких, так что великая княжна Наталья Алексеевна по целым неделям не видала своего юного державного брата. К красавице царевне Елизавете Петровне император тоже заметно охладел и не появлялся у нее. От занятия науками он совсем отстал, и Остерману пришлось махнуть рукою на его образование. Охота и Долгоруковы – вот все, что теперь занимало Петра II.

Вскоре после обручения Ивана Долгорукова император после охоты, для «отдыха», заехал в усадьбу Горенки. Там ему устроили пышную встречу. Во время стола государю прислуживала старшая дочь Алексея Долгорукова княжна Екатерина и, исполняя в точности строгий приказ своего отца, употребляла все усилия, чтобы привлечь и прельстить государя своею красотой. Княжне почти удалось это. Петр стал интересоваться ею и все чаще и чаще стал бывать в Горенках и проводить там не только дни, но и целые недели. Князь Алексей Григорьевич изобретал всевозможные развлечения и увеселения, чтобы только не скучал его державный гость и «будущий зять». Изящная кокетка-княжна сумела увлечь юного Петра, но только увлечь. Император-отрок не мог полюбить княжну Долгорукову, точно так же, как он не любил княжну Меншикову. Княжна Екатерина даже не особенно нравилась государю. Но когда Долгоруковы посоветовали ему или, скорее, упростили его жениться на княжне Екатерине, он, разочаровавшись в возможности брака с цесаревной Елизаветой, нисколько не задумываясь, изъявил на то согласие. И вот дочь Алексея Долгорукова княжна Екатерина была объявлена невестою государя, и был назначен день обручения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.